

Эммануил
Иоффе

9(476)
11758

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ БИБЛИОТЕКА
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

ПАНТЕЛЕЙМОН ПОНОМАРЕНКО

«ЖЕЛЕЗНЫЙ»
СТАЛИНИСТ

94(47+57)
11758

Эммануил Иоффе

ПАНТЕЛЕЙМОН
ПОНОМАРЕНКО:
«ЖЕЛЕЗНЫЙ»
СТАЛИНИСТ

АБ

Президентская библиотека
Республики Беларусь

2 015000 000507

Минск
Харвест

Презідэнцкая бібліятэка
1587525

УДК 32(476)(092)+94(476)"19"(092)

ББК 63.3(4Бел)6+63.3(4Бел)-8

И758

Иоффе, Э.

И758 Пантелеймон Пономаренко: «железный» сталинист / Эммануил Иоффе. — Минск: Харвест, 2015. — 256 с. : 82 ил.

ISBN 978-985-18-3582-5

Книга посвящена малоизвестным и неизвестным страницам жизни советского партийно-государственного деятеля П.К. Пономаренко (1902–1984).

В 1938–47 гг. он был первым секретарём ЦК компартии Белоруссии, в 1942–44 гг. начальником Центрального штаба партизанского движения, в 1944–48 гг. возглавлял правительство БССР. В 1948–52 гг. Пономаренко занимал пост секретаря ЦК ВКП(б), а в 1952–53 гг. был зампредом Совмина СССР.

Автор использовал рассекреченные фонды архивов и музеев Беларуси и России, интервью с людьми, близко знавшими Пономаренко, и многие другие источники.

УДК 32(476)(092)+94(476)"19"(092)

ББК 63.3(4Бел)6+63.3(4Бел)-8

Предисловие редактора

Пантелеймон Пономаренко был убежденным сталинистом, типичным продуктом сталинской системы подбора и выдвижения кадров. Толковый аппаратчик-исполнитель, способный проявлять инициативу в границах «коридора», указанного свыше.

Аппаратчики без колебаний решали любые вопросы на тех «участках», куда их ставило высшее партийное руководство. Лозунгом им служили слова: «Нет таких высот, которых бы не преодолели большевики!» Компетентность при этом особой роли не играла. Главным являлось другое. Во-первых, абсолютная личная преданность «товарищу Сталину» (приличия ради это называлось преданностью «делу партии»); во-вторых, полное пренебрежение гуманными соображениями (моралью, совестью, состраданием и пр.) при выполнении постановлений Политбюро ЦК ВКП(б) и приказов «лично товарища Сталина».

Можно сказать о Пономаренко так: «железный» сталинист, но это относится ко всем «партаппаратчикам» той эпохи. А кем еще могли стать люди, вскормленные и обласканные сталинской системой?! Поступки деятелей, которых эта система вытащила наверх («из грязи в князи»), определяли два главных фактора: идеология сталинизма, внедренная в сознание, и постоянный животный страх, укоренившийся в подсознании. Между тем, роль подсознания в поведении человека значительно сильнее разума. Зигмунд Фрейд убедительно доказал этот факт, за что его справедливо считают одним из гениев психологической науки XX века.

Рассматривая сталинскую систему управления обществом и государством надо отметить следующие черты, присущие всем «аппаратчикам»:

- это вера в эффективность волевых решений любых экономических, социальных, национальных, культурных и прочих проблем;
- это ставка на насильственные методы управления и контроля;
- это ложь, демагогия и лицемерие как неотъемлемые черты управленческой деятельности руководителей всех рангов.

Люди, подобные Пономаренко, никакой другой системы устройства общества и государства, кроме ленинско-сталинской, не только не знали, но и не могли представить. Ведь все познается в сравне-

нии. А по сравнению с 99% населения, партийно-советская номенклатура высшего звена жила в сказочно прекрасных условиях. Здесь и материально-бытовое обеспечение по высшему разряду, и возможность потреблять без ограничений «культурные блага», и медицинское обслуживание ведущими специалистами страны, и лучшие курорты, и многое другое. За все это они были искренне благодарны «родной партии» и «лично товарищу Сталину».

Правда, в развитых странах мира, например в США, такие же уровень потребления и качество услуг были доступны любому владельцу фирмы «средней руки», но, повторяю, для понимания данного факта надо сравнивать. А возможность для сравнения отсутствовала даже у номенклатуры. Не случайно Н.С. Хрущев был потрясен во время своего первого визита в США в 1959 году, когда собственными глазами увидел, что в материально-бытовом плане хозяева крупных ферм (он посетил ферму Росуэлла Гарста в штате Айова) живут не хуже членов Политбюро ЦК КПСС!

Но вернемся к Пономаренко. Можно сколько угодно искать и находить положительные черты в общей характеристике его личности. Да, был умен. Да, получил высшее образование. Да, читал книги. Да, не имел склонности к моральному разложению (проще говоря, не увлекался ни алкоголем, ни женщинами). И что с того? Все равно его личная карьера, как и всех других представителей партийной номенклатуры, неизбежно приводила к множеству личных трагедий других людей. И точно так же как эти «все» Пономаренко верил, что «так надо», абсолютно не терзаясь угрызаниями совести. Да и не было совести у сталинистов. Основанием для совести являются Заповеди Божии, сталинистам же веру в Бога заменяла вера в Сталина. Это не полемический оборот, а истинная правда.

На мой взгляд, книга доктора исторических наук, профессора Э.Г. Иоффе интересна тем, что показывает (возможно даже, что вопреки желанию автора) личность Пономаренко именно в таком ракурсе. «По делам судите их, не по словам...»

Введение

В августе 2012 года исполнилось 110 лет со дня рождения Пантелеймона Кондратьевича Пономаренко (1902—1984).

Какой след оставил этот человек на белорусской земле?

БССР существовала 72 года (1919—1991)*. П.К. Пономаренко возглавлял нашу республику 10 лет из семидесяти двух, в том числе 9 лет (1938—47) в качестве первого секретаря ЦК компартии Белоруссии и 4 года (1944—48) в качестве главы правительства БССР. Он приехал в Минск в июне 1938 года, а в 1948 году стал секретарём ЦК ВКП(б) и заместителем Председателя Совета Министров СССР.

Именно с деятельностью П.К. Пономаренко связаны все важнейшие события истории Белоруссии целого десятилетия, с 1938 по 1948 год.

Ведь это при нем произошло присоединение Западной Белоруссии к Восточной, это он убедил Сталина в том, что Полесье с Брестом и Пинском должны находиться в составе БССР. С Пономаренко связано заседание Народного собрания в ноябре 1939 года в Белостоке и забытый сегодня парад победителей в сентябре 1945 года в Минске в честь 6-й годовщины воссоединения белорусского народа. На минском параде он выглядел очень импозантно — в генеральской форме, с большим крестом, наградой польского правительства (этот парад 1945 года не надо путать с партизанским парадом в Минске в июле 1944 года).

В 1942 году П.К. Пономаренко возглавил Центральный штаб партизанского движения, стал одним из организаторов и руководителей партизанского движения на оккупированной территории СССР, в том числе на земле Белоруссии. Среди 23 первых секрета-

* Такова официальная точка зрения. На самом деле республику провозглашали трижды. Первый раз — в ночь с 31 декабря 1918 на 1 января 1919 г. в Смоленске. Называлась она тогда Советская Социалистическая Республика Беларусь (ССРБ). Но уже в марте 1919 г. по приказу из Москвы местные большевики объединили две советские республики — Беларусь и Летува — в двуединую Литовско-Белорусскую ССР (ЛитБел). Этот гибрид существовал всего несколько месяцев и в основном формально, т.к. в Летуве утвердился буржуазно-демократический режим, а более половины территории Беларуси заняли польские войска. Наконец, в июле 1920 г., после того как поляки ушли из Минска, здесь была провозглашена БССР. — *Ред.*

рей Центрального Комитета компартии Белоруссии только один, будучи на этом посту, был удостоен воинского звания генерал-лейтенанта (в 1943 г.) и полководческого ордена Суворова 1-й степени. Этот человек — Пономаренко.

С его именем связано восстановление и развитие экономики, культуры и науки БССР в 1944—1948 годах. Первый послевоенный план застройки Минска архитекторы подготовили по его предложению и под его надзором.

В то же время в многогранной деятельности Пономаренко было немало черных поступков. В первую очередь, это организация и санкционирование политических репрессий в 1938—1939 годах и негативная оценка деятельности патриотического подполья Минска.

Когда Минску в 1974 году присвоили звание города-героя, на торжества приехал и Пономаренко. Здесь он стал свидетелем окончательного краха мифа о минском подполье как провокационным. Бывший заместитель Сталина в Белоруссии в своём выступлении на Кургане Славы говорил о разном, но о минских подпольщиках, продвиж которых так долго отрицался, промолчал.

Для Пономаренко, как и всех других партийно-государственных деятелей СССР того времени, высшим авторитетом по всем вопросам был И.В. Сталин. Он с огромным рвением выполнял любые указания и поручения вождя. Трудно разграничить его исполнительность от проявлений личной инициативы.

В то же время, решая вопросы и проблемы, относившиеся к сфере его компетенции, Пономаренко проявлял аналитические способности, умение логически мыслить, находить оптимальные решения.

Сегодня о П.К. Пономаренко в столице Белоруссии напоминают мемориальная доска на знаменитом Втором ДOME Советов и улица его имени.

О нем написаны биографические справки в энциклопедиях и биографических справочниках, сотни газетных и журнальных статей, главным образом юбилейного характера. Заслуживают внимания статьи белорусских историков Анатолия Великого «Пономаренко. Штрихи к портрету», Эммануила Иоффе «Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко», «Панцеляймон Панамарэнка: малавядомыя старонкі біяграфіі», Виталия Скалабана «Извилистая фортуна Пономаренко», а также книга российского исследователя Владимира Доброва «Тайный преемник Сталина».

Наконец, опубликованы отрывки из воспоминаний Пономаренко и его дневника. Кажется, что мы знаем об этом человеке многое, если не всё. Но это только кажется. До настоящего времени отсутствует даже краткая его биография, не говоря уже о полной.

В ряде справочных изданий, опубликованных за рубежом и переведенных с английского языка, приводятся мифические, во многом ошибочные сведения о Пономаренко. Так, Д. Вронская и В. Чугуев в книге «Кто есть кто в России и бывшем СССР» (перевод с английского, Москва, 1994 год) утверждают:

«Пономаренко Пантелеймон Кондратьевич (1902 — I. 1984). Политический деятель, офицер госбезопасности (СМЕРШ). ...Осуществлял контроль от НКВД за партизанскими операциями с позиций Центрального штаба партизанского движения, 1942—1944. В 1945 назначен Сталиным председателем СМ Белоруссии. Отвечал за ресталинизацию республики... Министр снабжения СССР».

Автор этих строк более десяти лет собирал материалы для книги о П.К. Пономаренко, используя самые разные источники. В своей книге мы акцентируем внимание на неизвестных и малоизвестных страницах жизни и деятельности Пономаренко. В этом нам помогут рассекреченные фонды архивов и музеев Республики Беларусь и Российской Федерации, а также воспоминания людей, близко знавших его.

ЧАСТЬ I

ДО НАЗНАЧЕНИЯ В БССР

Глава 1

ПУТЬ НАВЕРХ

З ададим себе вопрос: «Что известно белорусскому читателю о жизни и деятельности П.К. Пономаренко?»

А теперь попытаемся ответить:

Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко — это советский государственный и партийный деятель, руководитель компартии, а одно и время и правительства БССР, генерал-лейтенант, один из главных организаторов партизанского движения в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны.

Он родился 9 августа 1902 года на хуторе Шелковском в Белореченском уезде Краснодарского края в крестьянской семье. В 12 лет Пантелеймон работал подмастерьем в швейной мастерской, в 14 лет — кузнецом. В 1918-м году 16-летним подростком вступил в Красную Армию, стал бойцом 1-го Интернационального полка Северо-Кавказского фронта, участвовал в обороне Екатеринодара (Краснодара) от белогвардейцев. В 1919 году работал слесарем на нефтепромыслах, затем помощником машиниста и машинистом на железной дороге.

В 1922 году Пантелеймон стал секретарём комсомольской ячейки в станице Нареповская, а через три года — членом партии. В 1925—1926 гг. он заведовал отделом агитации и пропаганды Нареповского райкома партии Азово-Черноморского края*.

* Надо отметить, что с 1919 по 1925 год во всем Азово-Черноморском крае большевики осуществляли так называемое «рассказчивание». Десятки тысяч людей арестовывали и отправляли эшелонами в удаленные места страны, где многие погибли. Тысячи людей, пытавшихся протестовать, убили на месте. Общая численность людей, пострадавших за время этой кампании, превысила миллион. Юные помощники большевиков — комсомольцы — принимали самое деятельное участие в этом «беспределе». Остается только строить догадки, сколько человек, чьей «виной» была принадлежность к сословию казаков, погубил лично Пономаренко. Несомненно одно: именно там он кровью жертв присягнул на верность партии большевиков. — *Ред.*

В 1927 году Пономаренко окончил рабфак в Краснодаре и поступил в Московский институт инженеров транспорта. В 1930—31 гг. он работал инспектором по приёмке паровозов на Мичуринском паровозоремонтном заводе Тамбовской области. В 1931—32 гг. Пономаренко продолжил учёбу в институте. После его окончания в 1932 году стал помощником директора Московского института инженеров транспорта. Но через несколько месяцев его призвали на военную службу.

С 1932 по 1935 год П.К. Пономаренко служил в РККА: командиром батальона в Белорусском военном округе (в Могилёве), в Отдельной Краснознаменной Дальневосточной армии, в Московском военном округе. После демобилизации в 1935 году его назначили руководителем группы во Всесоюзном электротехническом институте.

В 1937 году Пономаренко пригласили на работу в аппарат ЦК ВКП(б), сначала инструктором, а затем заместителем заведующего Отделом руководящих партийных органов, который возглавлял Георгий Маленков. В 1938—47 гг. он был первым секретарём ЦК КП(б)Б, а в 1944—48 гг. председателем Совнаркома (с 1946 года — Совета Министров) БССР*

В годы Великой Отечественной войны Пономаренко был членом Военного совета 3-й Ударной армии Калининского фронта, а также фронтов — Западного, Центрального, Брянского, 1-го Белорусского. В 1942—44 гг. он возглавлял Центральный штаб партизанского движения при Ставке Верховного Главнокомандования.

В 1948—52 гг. П.К. Пономаренко занимал пост секретаря ЦК ВКП(б), одновременно в 1950—53 гг. он был министром заготовок СССР. В 1953—1954 гг. являлся министром культуры СССР, в 1954—55 гг. — первым секретарём ЦК компартии Казахстана. С 1955 года десять лет находился на дипломатической службе: чрезвычайный и полномочный посол СССР в Польше, Индии, Непале, Нидерландах, в 1962—64 гг. представитель СССР в Международном агентстве по атомной энергии (МАГАТЭ) в Вене.

С 1939 по 1961 год Пономаренко был членом ЦК ВКП(б) — КПСС, а в 1952—53 гг. — членом Президиума ЦК КПСС. В 1953—56 гг. он был кандидатом в члены Президиума ЦК КПСС. В 1964—74 гг. Пономаренко работал преподавателем в Институте общественных наук при ЦК КПСС.

* Далее по всему тексту аббревиатура КП(б)Б — Коммунистическая партия (большевиков) Белоруссии — будет употребляться без форманта «б», просто КПБ. — *Прим. ред.*

С декабря 1965 года являлся персональным пенсионером союзного значения.

Заслуживает внимания вопрос о национальности П.К. Пономаренко и начале времени его работы в аппарате ЦК ВКП(б). Белорусская исследовательница Татьяна Протьюко категорически утверждает:

«Пономаренко Пантелеймон Кондратьевич... Партийный и государственный деятель БССР... Русский... В 1938 г. в аппарате ЦК ВКП(б)»*.

Она дважды ошибается.

По справочной картотеке Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны, и по другим источникам, П.К. Пономаренко — украинец. А начало его работы в аппарате ЦК ВКП(б) — осень 1937 года.

Теперь о том, что неизвестно широкому читателю.

Мы остановимся на его службе в Отдельной Краснознамённой Дальневосточной армии. В 1989 году ветеран войны и труда, член Союза журналистов СССР И. Чернявский вспоминал:

«Осенью 1933 года меня призвали в ряды Красной Армии. Минский горвоенкомат направил в двенадцатый железнодорожный полк. Тогда он дислоцировался в Рославле, что на Смоленщине. Оттуда нас вскоре перебросили в Приморский край строить железнодорожную ветку.

В полку издавалась многотиражная газета «На подъёме». Её редактором был член полкового партбюро, командир технического батальона капитан Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко.

Помню, впервые я его увидел на трибуне. Страстный оратор. Он собирал на свои лекции в клубе части огромную по меркам нашего гарнизона аудиторию. В зале яблоку негде было упасть. Послушать комбата приходили не только офицеры, но и их жёны, жители посёлка. И, конечно же, мы, рядовые бойцы. Выступал Пономаренко, как правило, без конспектов. Не случайно в полку его называли «ума палата».

Узнав, что я по профессии журналист, до армии работал в белорусской молодёжной газете «Чырвоная змена», Пономаренко договорился с командиром полка Тереховым и комиссаром Сердюченко о моём переводе в многотиражку в качестве секретаря редакции. Организация и подготовка материалов в номер, обеспечение еженедельного выпуска газеты, распространение её в батальонах, ротах — всё это входило в мои обязанности...

* Протьюко Т.С. Становление советской тоталитарной системы в Беларуси (1917–1943 гг.). Мн., 2002, с. 672.

В полку имелась маленькая типография. Наборщиком и печатником в ней был такой же, как и я, военнослужащий срочной службы, витебский полиграфист Иван Кожевников. Впоследствии, уволившись в запас, он окончил Минскую партшколу, перед войной работал секретарём Холопеничского райкома комсомола...

Однажды случилась осечка, график работ оказался под угрозой. Чтобы в срок сдать пусковой участок дороги, командование подкрепило наш полк новой ротой — десятой. «Старые» роты полка, имевшие навык земляных работ в условиях пересечённой местности, план выполняли. Десятая же, в недавнем прошлом стрелковая, еле дотягивала до девяноста процентов. На каждом партийном собрании части говорили об этом армейском коллективе на высоких тонах, в постановлениях записывались строгие предупреждения. Однако дело с места не двигалось...

Помню, по результатам одного из партсобраний, я подготовил большой отчёт — на целую полосу нашей многотиражки. И, конечно же, не преминул «вмонтировать» в него всю критику, высказанную в адрес десятой.

Когда Пантелеймон Кондратьевич вернулся из командировки (был в штабе корпуса), материал номера лёг ему на стол. Я, признаюсь, ожидал похвалы за оперативность. Но редактор, ознакомившись с моими заметками, прореагировал неожиданно. Он сказал: «О собрании ограничимся кратким сообщением». О десятой роте — ни слова. Она до предела издёргана. Бойцы не в себе. Так нельзя. Давайте попытаемся изложить наше отношение к этому подразделению, вчерашние показатели роты на полтора процента выше показанных накануне. Раскрутите-ка эти полтора процента, тёплое слово скажите о бойцах, командирах отделений, взводов, которые приблизились к плановым наметкам...».

Я снова направился в роту. Выполняя наказ редактора, написал зарисовку о воинах-строителях, успешно штурмующих план, сделал снимки передовиков. Не поленился съездить во Владивосток в типографию краевой газеты «Красное знамя», где местные полиграфисты изготовили клише, которые оживили очередной номер нашей многотиражки...

П. Пономаренко во время армейской службы на Дальнем Востоке. 1934 г.

В течение трёх месяцев на страницах газеты «На подъёме» вёл обстоятельный разговор о делах бойцов и командиров десятой роты. К концу квартала она успешно зашагала в ногу с теми подразделениями, которые заметно перекрывали планы. Представителей редакции в роте встречали как желанных гостей...

На полковом партийном собрании, посвящённом итогам работы за квартал, заместитель командира полка по технической части майор Ковальский, выступая с докладом, обстоятельно рассказал о работе всех батальонов на трассе. Тёплым словом отозвался о десятой роте. Во время этого выступления я поймал на себе взгляд редактора. Он улыбнулся и подмигнул мне: знай, мол, наших...

Поздней осенью Пантелеймон Кондратьевич уехал из полка за пополнением в Рославль. Обратного на Дальний Восток он не вернулся...

Отслужив два года в армии, я снова очутился в Минске — в своей родной «Чырвонке». И вскоре, выполняя задание редакции, вновь встретился с П.К. Пономаренко. Случилось это в столичном Доме политпроса, где шло собрание республиканского комсомольского актива.

Смотрю — в президиуме сидит Пантелеймон Кондратьевич, избранный накануне первым секретарём Центрального Комитета компартии Белоруссии. Я, недолго думая, написал записку и по рядам, через товарищей послал ему. Наблюдаю, какая будет реакция... Вот записка в руках у Пономаренко. Пробежав её глазами, он, вижу, обращается к сидящему рядом секретарю ЦК комсомола республики. Тот посмотрел в зал и что-то шепнул Пантелеймону Кондратьевичу. Я привстал со своего места, поднял руку... Пономаренко улыбнулся и кивком головы дал понять, что узнал меня...

В перерыве подходит секретарь ЦК комсомола и ведёт меня за кулисы. Пантелеймон Кондратьевич, как сейчас помню, ждал в радиорубке. Можно представить, как я обрадовался этой встрече. Обменялись крепким рукопожатием. Пономаренко усадил меня и стал расспрашивать.

...Особо интересовался мой бывший редактор судьбой офицеров полка, бойцов своего технического батальона. Многих подчинённых он знал не только по фамилиям, но и по имени-отчеству...

— Почему вы не вернулись в полк? — спросил я его.

Из ответа стало ясно, что Пантелеймона Кондратьевича отозвали сначала на работу во Всесоюзный электротехнический институт, а оттуда — в отдел руководящих партийных органов ЦК ВКП(б). С должности заместителя заведующего отделом он был направлен в Белоруссию*.

* Чернявский И. «Знай, мол, наших...». Мои встречи с П.К. Пономаренко // «Коммунист Белоруссии», 1989, № 12, с. 54–56.

Интересно отметить, что в Приморье командир технического батальона 12-го железнодорожного полка Пономаренко занялся изобретательством. В 1975 году в интервью с московским журналистом Леонидом Плешаковым он признался:

«У меня там было много свободного времени, и я занялся изобретательством. Придумал пулемёт, который должен был стрелять при помощи электричества. Пули в канале ствола разгоняли не пороховые газы, а электромагнитная волна. Это обещало дать колоссальную скорострельность». (Плешаков Л. И стыла кровь при имени его... «Совершенно секретно», 1990, № 3, с. 12).

Пономаренко отослал чертежи своего изобретения в Москву, и вскоре из Наркомата обороны пришёл вызов. Изобретателя приглашали в Москву, во Всесоюзный электротехнический научно-исследовательский институт, где он возглавил спецлабораторию. Новое изобретение назвали «электропулемётом».

Уже осенью 1941 года, когда шла война, сделали опытный экземпляр и провели его испытание. Оно оказалось успешным, но в массовое производство «электропулемёт» не рекомендовали. Дело в том, что пулемёт приводился в действие генератором автомобиля, и всё зависело от работы двигателя. Командование посчитало, что в условиях войны держать автомобиль возле окопов не будет возможности*.

Представляет интерес вопрос: «Когда Сталин впервые услышал и увидел Пантелеймона Пономаренко?». Вот что вспоминает московский журналист Леонид Плешаков, взявший интервью у Пономаренко в 1975 году:

«Как-то на секретариате (речь идёт о 1937 году. — Э.И.), который вёл лично Сталин, заслушивался вопрос и их отдела (Отдела руководящих партийных органов ЦК ВКП(б). — Э.И.), и потому были приглашены и некоторые его работники, Пономаренко в том числе. Одним из вопросов заседания было утверждение новых учебников для технических вузов. Читали заголовки книг и каждый, кто хотел, высказывался, нужен такой учебник или нет. Дошло дело до учебника с мудрёным на-

* Идея перезарядки оружия не за счет отдачи затвора и не давлением пороховых газов, а с помощью электромотора была перспективной. Но на поле боя такой пулемет в самом деле трудно использовать. Другое дело — самолеты и корабли. Американцы пошли по этому пути и создали сверхскорострельную 20-мм пушку Вулкан-Фаланкс. — Прим. ред.

званием. Встал один из кураторов Наркомпроса и говорит: «Такой учебник не пойдёт. Что за словесная абракадабра? Студенты не поймут. Что это такое? Пусть авторы доработают». Учебник хотели было уже завалить, но тут встал неожиданно для всех Пономаренко и сказал:

— Название действительно заковыристое, но оно выражает суть целого направления в науке. Каждый инженер поймёт, о чём речь. Эта книга — основы механики. Не издать её — значит лишить десятки, сотни тысяч наших будущих инженеров главного учебника. Без неё мы не получим настоящих специалистов.

Учебник утвердили. А месяца через два в Белоруссии наметилась вакансия на место первого секретаря ЦК компартии. Того, что был раньше, расстреляли, а пришедший на его место не тянул. Встал вопрос в орготделе кого назначить, и тут, как передали Пономаренко, Сталин вспомнил о нём:

— Там у вас в отделе работает такой молодой, энергичный. Тот, что книгу защищал. По-моему, очень толковый и не из пугливых.

Этого было достаточно, чтобы Пантелеймон Кондратьевич был направлен в 1938 году в Белоруссию и рекомендован пленуму на должность первого секретаря ЦК».

(«Совершенно секретно», 1990, № 3, с. 12.)

Существует и другой вариант истории с обсуждением учебников. Вот что пишет российский писатель Владимир Добров:

«Впервые Сталин услышал фамилию Пономаренко на одном из предвоенных совещаний в ЦК партии, и это тоже было связано с научно-технической темой.

На совещании наряду с другими вопросами обсуждался и утверждался список научной и учебной литературы, которую предстояло выпустить в ближайшие годы. Она издавалась массовым тиражом и требовала немалых бюджетных средств, которые надо было экономить, учитывая начавшийся разворот всей хозяйственной, общественной и научной жизни в сторону подготовки к надвигающейся войне.

Совещание вёл заведующий отделом руководящих партийных органов Маленков, но в Президиуме сидел Сталин, который, не теряя времени, просматривал списки книг и учебников, которые предстояло резко сократить. Впрочем, все вопросы, видимо были проработаны и согласованы ранее с теми же учёными, специалистами и сотрудниками цеховского аппарата, которые сидели в зале. Когда речь зашла о списке учебников для университетов и институтов технического профиля, Маленков, скорее для проформы, задал вопрос «есть ли возражения по этому списку?» — готовясь уже перейти к следующим документам.

— Есть, товарищ Маленков. Здесь нет очень важного учебника по металлургии, а это лучшее учебное пособие в настоящее время. Без него трудно будет вести полноценную подготовку инженеров.

Из первых рядов, где сидели сотрудники аппарата ЦК, поднялся молодой человек, на которого сразу же устремились все взоры. Видно было, что он волновался, но говорил чётко и уверенно.

— Я знаю, о чём вы говорите. У этого учебника какое-то мудрёное название, его даже не выговоришь. Когда я обратил на это внимание, мне посоветовали его вычеркнуть. Кстати, как раз профессор, специалист по горному делу. И вообще этот вопрос уже решён, — заметил Маленков.

— Не знаю, какой он специалист. Только как инженер, закончивший транспортный институт, могу поручиться: лучше учебника по металлургии сейчас нет. Название действительно мудрёное, но оно нам не мешало. Без этого учебника вести подготовку инженеров будет трудно. А если вопрос решён, зачем спрашивать наше мнение?

— Подождите, товарищ, как вас зовут? — В разговор вмешался Сталин.

— Пономаренко, — подсказал сидящий рядом с ним сотрудник аппарата ЦК.

— Вы действительно уверены, товарищ Пономаренко, в необходимости этого учебника?

— Уверен, товарищ Сталин. И как коммунист, и как выпускник инженерного института, лучшего пока нет.

— Ну, раз уверены, то, я думаю, надо ещё раз изучить этот вопрос. Хорошие инженеры сейчас нужны.

На следующий день, когда Маленков пришёл к Сталину подписать окончательное решение о списках, тот продолжил начатый на совещании разговор:

— Этот ершистый паренёк Пономаренко прав. Я посмотрел ваши списки и не нашёл там ещё несколько книг и учебников, которые нужно было оставить. В чём дело? И с какими специалистами вы консультировались?

— Это известные учёные и опытные специалисты. Мы подбирали наиболее надёжных и преданных советской власти. И старались сохранить поменьше учебной литературы, созданной в царское время.

— В этом ваша ошибка. В металлургии и химии классовый подход — несусветная глупость. Вам ли не знать это с вашим инженерным образованием. А насчёт известных учёных, мой вам совет: прислушивайтесь к ним, но решение принимайте самостоятельно. Среди научной и творческой интеллигенции немало таких, которые ловят настроения начальства на ходу, стараются ему угодить и сделать приятное. А потом попросить что-нибудь взамен. Когда же мы, партийные руководители, прием неверное решение, легко отмежуются от него. Не мы, мол, были главными. Это все они, невежественные большевики, деспоты, враги культуры и знаний. Постарайтесь, товарищ Маленков, впредь учитывать это.

Учебник сохранили. Сталин сохранил в глубине своей феноменальной памяти фамилию этого «ершистого» сотрудника аппарата ЦК. У вождя был какой-то особый нюх на способных, перспективных людей, и он редко его подводил».

(Добров В. Тайный преемник Сталина. М., 2010, с. 12–14.)

Добров, несомненно, искажил реальный эпизод с обсуждением учебников до полной неузнаваемости. Не мог Сталин назвать Пономаренко, которому в 1937 году было уже 35 лет, «ершистым пареньком». Но главное — другое. Дорога в верхний эшелон власти открылась для Пономаренко в первую очередь благодаря протекции Георгия Маленкова, с которым его связывало родство.

Здесь надо сделать отступление от основной темы и рассказать о так называемом «личном секретариате Сталина». С этой целью приведем большую цитату:

«Наряду с аппаратом ЦК партии, Сталин создал свой собственный оперативный штаб, свой мозговой центр, который стал кухней задуманных им политических авантюр. Назывался этот орган «Секретариатом товарища Сталина». В его штат Сталин подбирал молодых, лично преданных ему людей. Вот лишь некоторые: Андрианов, Бажанов, Бауман, Двинский, Ежов, Каннер, Логинов, Маленков, Мехлис, Петросян, Поскребышев, Поспелов, Смиттен, Тевмосян, Товстуха, Чесноков, Шуб и ряд других, менее известных.

Состав «теневого кабинета» постоянно менялся. Из него, как из заранее подготовленной колоды, генсек черпал кадры для высших партийно-государственных структур. Вспомним Ежова и Мехлиса, Маленкова и Поспелова, Чеснокова и Андрианова. Эти молодые, практически неизвестные в партии люди обладали колоссальными возможностями. Ведь они «готовили вопросы» по заданию самого Сталина. А рассмотрение любого вопроса начинается с того, что заложено в подготовленном проекте документа. Это и есть могучий рычаг влияния маленького человека на вопрос любой важности.

Каждый «вопрос» внутренней политики сначала всесторонне обкатывался в «теновом кабинете» генсека, потом передавался для доработки в соответствующие отделы ЦК и только после этого поступал для утверждения в Секретариат, Оргбюро или Политбюро ЦК. Так создавался миф о коллегиальности принятия решений.

А в действительности именно в личном секретариате Сталина закладывался фундамент всех основных решений партии и советской власти, готовились все кампании, проводимые в партии и стране: партийные чистки, политические судебные процессы, кадровые перемещения, списки жертв очередных репрессий и тому подобные мероприятия.

(...) Сектором кадров руководил Ежов, затем Маленков, он занимался проверкой, подбором и расстановкой кадров.

(...) Работники Особого сектора занимались сбором компромата, цензурой личной переписки высших государственных деятелей и тому подобными делами (...). На неудобных, по указанию Сталина, готовились представления в соответствующие его рангу инстанции: в Секретариат, Оргбюро и Политбюро ЦК или в президиум ЦКК, которые завершали дело. Так Особый сектор освобождал места, которые сектор кадров немедленно заполнял людьми из заранее подготовленного личного резерва Сталина.

Примерно так выглядела технология вытеснения прежних большевистских деятелей из руководства партией и государством, замена их молодыми, еще более беспринципными и властолюбивыми бюрократами сталинской выучки.

(...) К 1935 году процесс перестройки аппарата партии по сталинскому плану завершился. К тому времени кадры партийных руководителей низшего и среднего звена в основном уже состояли из людей, прошедших через фильтр Особого сектора секретариата Сталина. Таким образом, новая партия (партия сталинистов) со старым названием ВКП(б) явилась детищем двух человек — Сталина и Маленкова. Первый был ее главным архитектором, второй — прорабом-строителем».

(Грицанов А.А., Тарас А.В. Научный антикоммунизм и антифашизм. Минск, 2010, с. 219–222.)

Запомним слова о «еще более беспринципных и властолюбивых бюрократах сталинской выучки». Они прямо относятся к П.К. Пономаренко.

Весной 1937 года Пономаренко вызвали в Московский комитет партии на прием к Н.С. Хрущеву и Брежневскому. После расспросов о работе в парторганизации Всесоюзного НИИ электротехники имени В.И. Ленина, где он заведовал спецлабораторией и был секретарём парткома, Хрущёв спросил у Пономаренко: «Что бы вы ответили, если бы мы предложили вам перейти на работу в Московский комитет партии?»

Он сказал, что считает такое предложение высокой для себя честью и рад оказываемому доверию. Единственное, что заставляет подумать, прежде чем дать ответ, то, что тема его работы в институте по линии управления военных изобретений (речь шла об электропулемете) утверждена наркомом обороны и ему хочется довести её до конца. По просьбе Хрущёва и Брежневского Пономаренко обстоятельно рассказал об этой работе, и они решили отложить вопрос о его переводе в МК до её окончания.

Но осенью 1937 года Пономаренко, как секретаря парткома института, вызвали в ЦК ВКП(б) к инструктору отдела руководящих кадров А.С. Чуянову со списком членов парторганизации института. Через много лет А.С. Чуянов писал в своих мемуарах:

«Знакомясь с кадрами Московского электротехнического института, я обнаружил, что на посту секретаря парткома этого института работает П.К. Пономаренко, кажется, знакомый по Кореневскому району товарищ, вместе работали. Пригласил его для знакомства и не ошибся.

Это был Пантелей Пономаренко, с Кубани, теперь научный сотрудник института и секретарь парткома. Вспомнили дела и дни кубанских комсомольцев, работу среди казачьей молодёжи. Я не отпустил Пантелея из ЦК, решил его показать руководству. Заместитель заведующего отделом руководящих партийных органов М.А. Бурмистенко заинтересовался им, представил секретарю ЦК А.А. Андрееву и рекомендовал использовать П.К. Пономаренко на работе в ЦК. Предложение было принято».

(Чуянов А.С. На стремнине века. Записки секретаря обкома. М., 1977, с. 41.)

Чуянов лукавил. Он ни словом не упомянул Маленкова, руководившего сектором кадров в личном секретариате Сталина и одновременно возглавлявшего Отдел руководящих парторганов ЦК ВКП(б). Но, как уже сказано, именно этот сектор занимался подбором и расстановкой руководящих кадров, прежде всего — партийных.

Вот так Пономаренко стал инструктором ЦК ВКП(б). Конкин, помощник заведующего отделом, привёл его в комнату 417 на четвёртом этаже и сказал, что он будет заниматься Челябинской и Свердловской областью, а также Новосибирским и Алтайским краями. За несколько месяцев Пономаренко вошёл в курс своей работы и хорошо зарекомендовал себя. Уже в начале 1938 года новый заместитель заведующего отделом руководящих парторганов ЦК Донской предложил ему выступить на совещании инструкторов отдела с сообщением «Из опыта установления деловых связей с руководителями обкомов партии».

А в марте 1938 года Пономаренко назначили заместителем заведующего отделом руководящих парторганов ЦК, и кроме тех областей и краев РСФСР, которые он курировал, добавили ему две союзные республики — Азербайджан и Грузию.

ПОНОМАРЕНКО И СТАЛИН

До самой смерти Пономаренко боготворил Сталина. Журналист Леонид Плешаков, бравший интервью у Пономаренко, писал:

«Начав политическую карьеру в кровавые предвоенные годы, он совершил головокружительное быстрое восхождение на самые верхние этажи власти, что, видимо, и послужило основанием для его недругов, или, скажем мягче, оппонентов, называть Пономаренко “сталинским соколом”, “сталинским выдвигенцем”, а то и каким-либо именем покрепче.

...В год тридцатилетия Победы я позвонил ему. Рассказ бывшего начальника Центрального штаба партизанского движения был в тот юбилейный год весьма кстати.

— Хорошо, приезжайте, — сказал Пономаренко. — Я живу на даче в посёлке “Советский писатель”, это станция Внуково с Киевского вокзала.

Точно в назначенный час я подходил к его дому...

Мы прошли в дом... На стене в рамочке висел известный фотопортрет Сталина (тот, где он раскуривает трубку) с дарственной подписью. От знакомых, бывавших в городской квартире Пономаренко, я знал, что там на письменном столе стоял мраморный бюст вождя. Конечно, в 1975 году о культе личности Сталина говорили уже не так, как прежде, и от решений XX и XXII съездов мы дали довольно-таки большого отступного. Но всё-таки приверженность вождю никто особенно не афишировал. Во всяком случае не до такой степени, чтобы держать дарственный портрет на самом видном месте. Пантелеймон же Кондратьевич своей верности не скрывал.

Наш разговор о партизанах Великой Отечественной войны в тот раз не завершился. Как-то незаметно Пономаренко ушёл в сторону от темы, и рассказ его покатился совсем не по тому пути, по которому я предполагал его направить. Часа через три мой собеседник сказал, что устал, и попросил продолжить интервью в следующий раз. Но и через неделю всё повторилось. Плавно, без нажима он переводил разговор на Сталина.

Честно говоря, ни тогда, ни позже я так и не понял, почему он это делал. Не думаю, что поступать подобным образом его заставляло чувство старого человека, который долгое время был при власти, а затем был лишён её и поэтому — хотя бы в воспоминаниях — возвращался в те далёкие годы и вновь как бы переживал приятные минуты, испытывая ощущение известной полноты жизни. Я так не думаю. Скорее всего, тут было другое. Что-то от чувства благодарности Сталину, который за-

метил Пономаренко и определил его блистательную карьеру. Было тут что-то и от неприязни к Хрущёву, который развенчал образ «отца родного» и тем самым посадил Пономаренко в один окоп с последним. Допускаю, что в основе могли лежать все эти компоненты, вместе взятые...».

(Плешаков Л. И стыла кровь при имени его...// «Совершенно секретно». 1990, № 3, с. 12.)

Всю свою жизнь Пономаренко считал Сталина идеальным руководителем, лишённым каких-либо недостатков, и полностью оправдывал не только всю его политику, но и все его действия. Он подчёркивал только многочисленные достоинства «вождя народов». Что касается вины Сталина, то, по мнению Пономаренко, она была меньше всех. В связи с этим Л. Плешаков отметил:

«Как ни странно, но из всех рассказов Пономаренко вытекало, что строгость Сталина по отношению к аппарату была вполне оправданной и, более того, справедливой. Он не осуждал его, а лишь говорил, что все перегибы (да их было, по его словам, не так уж много) происходили по вине карьеристов и мерзавцев типа Ежова, Берии, Мехлиса. Такие находятся в любые времена, поэтому не стоит осуждать Сталина, что он по своей доверчивости приблизил их к власти. Он, конечно, виноват, но меньше всех. Почему, например, молчали остальные, кто был близок к нему? Что они, ничего не видели? Те же военные? Все они практически помогали уничтожать своих товарищей. А теперь вот подняли крик: тиран нарушал социалистическую законность! Где они были раньше?»

...Как я понял из рассказа Пантелеймона Кондратьевича, и Хрущёв не особенно жаловал Пономаренко. Иначе закат его карьеры не начался бы в самом расцвете сил... Но почему Хрущёв обошёлся с ним таким образом? Что-то должно было быть между ними. Что за чёрная кошка пробежала между ними? И на мой простой вопрос Пономаренко ответил просто:

— Никита не мог простить, что Сталин хотел поставить меня в 1943 году на его место в Украине.

— Пантелеймон Кондратьевич, — говорю я. — Мне кажется, что Сталин вас нарочно хотел сравнить с Хрущёвым. Ведь снять Никиту Сергеевича, если он это задумал всерьёз, ему ничего не стоило, как до этого, да и после он снимал и даже расстреливал многих членов Политбюро и секретарей ЦК. И всё-таки он его оставил. Припугнул и оставил, и даже показал человека, которым решил якобы заменить. Вам ничего не дал, у Никиты Сергеевича ничего не отнял. А вот сравнил так, что и сейчас, через четверть века после смерти Сталина, через несколько лет после кончины Хрущёва вас трясёт от одного имени последнего...

— Что вы говорите?! Никита был очень хитрый. К тому же Сталин ничего не мог поделаться с этой четвёркой: Берия, Маленков, Булганин

и Хрущёв. Они всегда были вместе. Их так и считали самой сильной группировкой в Политбюро. Вчетвером ломали хребты многим. Даже Сталин не мог с ними ничего поделаться.

Это было для меня новостью...

— Э-э-э, нет! — возразил Пономаренко. — Я не согласен с вами, будто Сталин пытался посеять между мною и Хрущёвым рознь и недоверие. Он всегда учил нас дружбе. Просто к нему в окружение пробралось много всяких мерзавцев. Они-то и мутили воду.

Помню один случай, который стал для меня школой сталинского стиля работы, примером доброго отношения к соратникам. Это было под Новый год. Сталин предложил встретить этот праздник в узком кругу у него на даче. В узком — это значит без жён, так как Сталин в то время был вдовцом. Приехали, сели за стол, пьём, закусываем. Как обычно в таких случаях,

Сталин в 1938–39 гг.

вёл вечер сам Сталин. Рядом с ним — самые приближённые его товарищи по руководству партии, мы с Суловым — в то время простые секретари ЦК, не члены и не кандидаты в члены Политбюро в самом конце стола, у двери. Так было положено по рангу. И вот, подняв рюмку с очередным тостом, Сталин сказал:

— Я предлагаю выпить за дружбу и товарищество между нами, руководителями партии и правительства. Я предлагаю этот необычный тост потому, что среди нас, членов Политбюро, есть люди, которые могут предать лучшего своего друга, которые никогда и ни за что не окажут помощь попавшему в беду товарищу, которые, наоборот, станут его топить, добивать, даже если будут уверены в его невиновности.

Когда он сказал «среди нас, членов Политбюро», у нас с Суловым отлегло от сердца. Мы-то не члены Политбюро. Зато все остальные напряглись, смотрят на Сталина, спрашивая взглядом, кого он имеет в виду. А он, выдержав паузу, закончил:

— Это Берия, Маленков, Каганович... Этим троим нельзя верить. Они могут предать из нас любого. Мерзавцы и подлецы предадут лучшего своего друга...

— Вот видите, — неожиданным поворотом закончил свой рассказ Пономаренко, — как Сталин учил нас дружбе, верности, учил помогать товарищам, если вдруг те оступились или попали в беду.

Я не верил ушам своим. Тост Сталина я понял по-другому.

— Мне кажется, Пантелеймон Кондратьевич, что он, напротив, стравливал вас друг с другом, что он затевал очередную свою интригу. Он при всех пугнул эту тройцу — не спорю, подонков и мерзавцев — и одновременно ими пугнул остальных. И пока вы, руководящая верхушка, вели бы друг против друга свои козни, Сталин мог спокойно сидеть на вершине холма и как царь обезьян в известной китайской сказке, смотреть, как в долине, у подножия холма, дерутся тигры.

— Ничего-то вы не поняли, — огорчённо сказал Пономаренко. — Товарищ Сталин преподнёс нам урок доброты и уважения друг к другу*.

Я привёл собеседнику пример с Вознесенским, Кузнецовым, которые погибли примерно в то время и примерно вот в таких же обстоятельствах “товарищеской дружбы и взаимного уважения”. Но Пономаренко сказал: “Это всё происки Берии и Маленкова”. Получалось, что Сталин о репрессировании этих товарищей узнал позже всех.

В этот самый напряжённый момент рассказа Пономаренко я сваял дурака. Я брякнул, не подумав:

— А Сталин был трусоват?

Того, что произошло в следующий момент, я не мог даже предположить. Сидевший до этого в несколько расслабленной от усталости позе, Пономаренко мгновенно преобразился. Он с размаху хлопнул ладонью по всем клавишам моего диктофона, будто пытался вышибить из него все звуки, записанные перед этим.

— Это провокационный вопрос! — крикнул он. — Как вы можете спрашивать такое, да ещё под магнитную запись? Да Сталин... Да Сталин...

Пантелеймон Кондратьевич всё ещё искал и от волнения никак не мог найти нужное слово.

— Он был смелее многих наших генералов, которые теперь щеголяют в героических звёздах... Да он... Как вы могли спросить про такое?..

Дрожащими руками он вынул из пачки сигарету, закурил. Бледная усталость разлилась по лицу.

— Нет, нельзя задавать такие вопросы, провокационные вопросы. Сталин был очень смелым человеком...

Минут пять мы сидели молча. Я видел, что он никак не может отойти от потрясения. Даже через двадцать два года после смерти Сталина он панически боялся даже самого невинного принижения его имени. И собственного присутствия при этом».

(Плешаков Л. И слыла кровь при имени его... // «Совершенно секретно», 1990, № 3, с. 13.)

* Этот эпизод чрезвычайно показателен. Вот так выглядело взаимное сосуществование «товарищей по партии». А негативный отзыв Пономаренко о Маленкове, которому он был обязан своей партийной карьерой, более чем красноречив. Что же это были за люди?! Какие-то скорпионы. — *Ред.*

Дневник П.К. Пономаренко позволяет сделать вывод, что, начиная с 1939 года, Сталин благосклонно относился к нему, считался с его мнением.

Так, 3 ноября 1939 года Пономаренко фотографировался со Сталиным и членами Политбюро ЦК ВКП(б). Во время фотографирования Полномочной комиссии Западной Белоруссии Пономаренко стоял на самом краю группы. Когда Сталин встал и увидел это, то выразил неудовольствие тем, что Пономаренко далеко стоял. Хотел пересняться, но все уже разошлись.

4 ноября 1939 года во время приёма Сталиным и членами Политбюро участников декады армянского искусства там же находился и Пономаренко со своей женой Верой.

3 августа 1940 года после семи часов вечера Пономаренко выступил на сессии Верховного Совета СССР с речью о передаче Литве ряда районов из состава БССР, которая вызвала возгласы одобрения и бурное ликование литовцев. По дороге его догнал первый прикреплённый Сталина — Румянцев, и сказал, что Сталин просит Пономаренко вернуться в комнату рядом с залом заседания. Тот вернулся. У Сталина были все члены Политбюро, которые поздравляли его с хорошей речью. Сталин подошёл к Пономаренко, налил в большой рог виноградного вина (вошла почти бутылка) и сказал: «Пейте штраф за хорошую речь».

Это было его первое публичное выступление в присутствии Сталина.

Пономаренко надпил и не знал, куда девать рог, положить нельзя, он с вином, поставить или повесить тоже нельзя. Все, в том числе Сталин, потребовали: «До дна, до дна».

Затем Сталин пригласил всех к себе на ближнюю дачу. Поехали Молотов, Ворошилов, Димитров, Жданов, Каганович, Маленков, Микоян, Берия, Юсупов. Вождь взял Пономаренко в свою машину. На даче у Сталина ужинали и веселились.

25 ноября 1940 года за ужином у Сталина Пономаренко рассказал ему об изобретателе бинокля ночного видения Тимофееве из Всесоюзного электротехнического института и его опытах с этим биноклем на инфракрасные лучи. Вождь спросил: «Сами видели?» Пономаренко ответил: «Конечно. Тогда ещё в 1938 году, когда я сам работал в ВЭИ и был секретарём парткома (точнее, в 1937-м году. — Э.И.) и ещё раз на днях, когда я заехал в ВЭИ».

Сталин проявил живейший интерес к этому сообщению и сказал, что надо посмотреть, потому что это очень важное дело.

27 января (1941 г.) Хрущёв, Маленков, Вознесенский, Булганин и Пономаренко совершили поездку в ВЭИ и посмотрели бинокли Тимофеева для ночного видения. Увиденное произвело на них огромное впечатление. После этого последовал доклад Пономаренко Сталину. Берия по ходу сообщения делал свои вставки, пока Сталин не заметил ему: «Араб говорит — в Мекку ездил я, а рассказываешь о ней ты»*.

Глава 3

КАК ПОНОМАРЕНКО СТАЛ ПЕРВЫМ СЕКРЕТАРЁМ ЦК КПБ

10–18 июня 1938 года в Минске проходил XVII съезд компартии Белоруссии, на котором в последний день — 18 июня присутствовал член Политбюро и секретарь ЦК ВКП(б) Андрей Андреевич Андреев. Он представил делегатам съезда Пантелеймона Пономаренко и рекомендовал избрать его членом ЦК КПБ, несмотря на то, что съезд компартии республики уже закончил свою работу, избрал новый состав ЦК и Ревизионной комиссии.

Из Москвы по телефону распорядились отложить объявление результатов голосования до вечернего заседания. На этом заседании Пономаренко ввели в состав ЦК, а утром следующего дня состоялся пленум ЦК, на котором его избрали членом Бюро и первым секретарем ЦК КП Белоруссии.

Сам Пономаренко так описывал свое появление в Белоруссии и причины освобождения от должности предыдущего руководителя компартии республики А.А. Волкова:

«...Вскоре меня вызвал к себе Андреев. На столе у него лежала только что вышедшая из печати моя книга (в соавторстве с В.А. Раковым) — “Электровоз”. Как бывшего наркома путей сообщения, она заинтересовала его, и, расспросив о моей прошлой работе, он сказал: “Собирайтесь, поедете со мной в Белоруссию, отъезд вечерним поездом 17 июня”. — “Хорошо”, — сказал я. Поездки в области и республики работников ЦК вместе с руководителями были обычным делом. Мне и в голову не могло прийти, что я могу остаться там работать.

Приехали мы в Минск в воскресенье 18 июня. Нас встретил первый секретарь ЦК КП(б) Белоруссии А.А. Волков. Оказалось, что съезд уже

* Пономаренко П. Дневник. // «Неман», 2008, № 8, с. 172–176.

закончил свою работу. Новый состав ЦК и Ревизионная комиссия избраны, но объявление результатов отложено до вечернего заседания».

(Пономаренко П.К. События моей жизни. / «Неман», 1992, № 3, с. 154.)

Далее Пономаренко поясняет, что произошло на вечернем заседании:

«Вечером на этом заседании с короткой речью выступил А.А. Андреев. Он сказал: «Центральный Комитет ВКП(б) считает, что Волков не справляется со своими обязанностями. Товарищ Волков человек честный, ему не предъявляется никаких обвинений, но ЦК считает необходимым его заменить. ЦК ВКП(б) рекомендует вам ввести в состав ЦК партии Белоруссии товарища Пономаренко П.К., молодого работника, хорошо зарекомендовавшего себя на работе в отделе руководящих парторганов ЦК ВКП(б).

*Секретарь ЦК ВКП(б) Георгий Маленков
был покровителем Пономаренко*

Меня попросили рассказать автобиографию, что я и сделал. После этого открытым голосованием меня ввели в состав ЦК КП(б) Белоруссии. На другой день, 19 июня, на организационном пленуме ЦК КП(б) Белоруссии было избрано бюро ЦК в составе: А.А. Ананьева, Ф.И. Голикова, А.Ф. Ковалева, А.М. Левицкого, Н.Я. Наталевича, А.А. Наседкина, П.К. Пономаренко, М.Я. Репницкого. Меня избрали первым секретарем ЦК Компартии Белоруссии»*.

(Куманев Г. Рядом со Сталиным. Смоленск, 2001, с. 126.)

В следующем, 1939 году, Пономаренко «избрали» (фактически — назначили по указанию Сталина) членом ЦК ВКП(б), а также членом Военного совета Западного Особого военного округа.

*Рассказал автобиографию» и стал первым секретарем ЦК! Вот так просто Сталин назначал своих представителей руководителями компартий союзных республик, якобы равноправных, якобы имевших «право голоса». В этом эпизоде, как в капле воды, отражена суть его национальной политики. Пресловутые «выборы» бюро ЦК и первого секретаря являлись пустой формальностью. — Прим. ред.

ЧАСТЬ II

«СМОТЯЩИЙ» МОСКВЫ

Глава 4

ПРЕДШЕСТВЕННИКИ ПОНОМАРЕНКО НА ПОСТУ ПЕРВОГО СЕКРЕТАРЯ ЦК КПБ

Как известно, одной из центральных идей в теории строительства социализма по Ленину являлась идея диктатуры пролетариата.

Преемник В.И. Ленина на посту лидера Российской коммунистической партии, И.В. Сталин, трансформировал идею диктатуры пролетариата в теорию и практику диктатуры партийного аппарата, поскольку, по его мнению, он оказался «лучшим аппаратом во всей системе пролетарской диктатуры». Масштабы господства партаппарата были всеобъемлющими, «начиная с подавления классовых врагов и кончая вопросами конопли, льна, свиноводства»*.

Вот что пишет в этой связи белорусский историк Анатолий Великий:

«В ответе на вопрос о характере власти в советской России — и, разумеется, в Беларуси, ныне едины уже все историки: власть в бывшем СССР принадлежала РКП(б) — ВКП(б) — КПСС, а в БССР — КП(б)Б — КПБ. Партия подменила собой все органы государственного управления. Опираясь на репрессивный аппарат, на общественно-политические организации, созданные ею, она стояла над государством и обществом».

(Альманах «Деды», выпуск 11, с. 233.)

Аналогично мнение Владимира Баженова:

«В начале 1930-х гг. /в СССР/ сформировался мощный, строго централизованный административно-политический аппарат принуждения, который был использован Сталиным как средство борьбы за установление и укрепление его неограниченной власти» (...) «Диктаторские методы Сталина копировались и тиражировались преимущественным

* См.: Энциклопедия гісторыі Беларусі (далее ЭГБ), том 6, кніга I, с. 397.

большинством партийных и государственных деятелей в центре и на местах». (ЭГБ, там же.)

Фактически, Иосиф Сталин установил в огромной стране сначала диктатуру партаппарата, а затем диктатуру этого аппарата превратил в свою личную диктатуру. При этом в союзных и автономных республиках, в краях и областях роли диктаторов «местного значения» исполняли назначаемые туда первые секретари соответствующих партийных организаций, фактически — «смотрящие» Сталина в этих административных образованиях.

Необходимо попутно пояснить, что республиканские партийные организации создавались по территориальному, а не национальному принципу. Более того, попытки проведения национальной политики в интересах титульных наций союзных республик беспощадно и крайне жестоко пресекались. Далеко не случайно своими «смотрящими» в этих республиках Сталин назначал (до 1929 года — «про-талкивал»), как правило, «аппаратчиков» других национальностей. Вот, к примеру, первые секретари ЦК компартии Беларуси:

- Александр Мясников (1917–1919) — армянин
- Викентий Мицкевич-Капсукас (1919–1920) — литовец
- Вильгельм Кнорин (13.09.—10.11.1920; февраль 1921—май 1922) — латыш
- Вацлав Богуцкий (1922–1924) — поляк
- Александр Асаткин-Владимирский (1924) — русский
- Александр Криницкий (1924–1927) — русский
- Ефим Генкин (5 мая 1927–9 октября 1928) — еврей
- Ян (Янкель) Гамарник (1928–1929) — еврей
- Константин Гей (1930–1932) — эстонец
- Николай Гикало (1932–январь 1937) — русский
- Данила Волкович (25 января — 14 марта 1937) — белорус
- Василий Шарангович (март — июль 1937) — белорус
- Яков Яковлев (Эпштейн) (и.о. 1-го секретаря в июле — августе 1937) — еврей
- Алексей Волков (1937–1938) — русский
- Пантелеймон Пономаренко (1938–1947) — украинец
- Николай Гусаров (1947–1950) — русский
- Николай Патоличев (1950–1956) — русский

Остановимся подробнее на персонах троих «смотрящих» Сталина из этого перечня, с которыми связаны массовые репрессии в БССР как часть всесоюзной кампании «большого террора».

Н.Ф. Гикало

Николай Федорович Гикало (1897—1938) родился в Одессе. Русский. В 1915 году окончил военно-фельдшерскую школу в Тифлисе (ныне Тбилиси). Участвовал в Первой мировой войне, был награжден Георгиевским крестом.

В 1917 году вступил в партию большевиков. В 1918—27 гг. вел партийную работу на Кавказе. В 1927—28 гг. был членом Среднеазиатского бюро ЦК ВКП(б). В 1929 году занимал пост секретаря ЦК компартии Узбекистана, а с 5 августа 1929 по август 1930 года являлся секретарем ЦК компартии Азербайджана. В 1930 — 31 гг. был заместителем заведующего организационно-распределительным отделом ЦК ВКП(б). С 1931 года секретарь Московского областного и городского комитетов партии.

С 29 января 1932 по 18 марта 1937 года возглавлял ЦК компартии Белоруссии. С его именем связаны завершение первой пятилетки и почти вся вторая, завершение коллективизации сельского хозяйства. Гикало признавал только административно-командный метод управления. Он насильственно форсировал темпы сплошной коллективизации.

В Белоруссии Н.Ф. Гикало появился как «сталинский наместник» и вел себя соответственно этому назначению. Если из Москвы в республике насаждался культ «мудрого вождя всех народов», то в Минске одновременно складывался своеобразный культ «последовательного проводника указаний вождя», «мудрого руководителя большевиков Белоруссии». С приездом Гикало в БССР его именем стали называть предприятия, колхозы, выносить на праздничные демонстрации и шествия его портреты.

Николай Гикало

Ему слали рапорты обо всех достижениях. Культ «непоколебимого руководителя сталинского типа», с именем которого связаны все достижения в республике, распространяло окружение Н.Ф. Гикало. Его он сформировал из людей, кого знал лично и привез с мест прежней совместной работы — из Средней Азии, из Закавказья.

Тоталитарная система оказалась несовместимой с творческой личностью: она стремилась уничтожить ее морально, а в случае неудачи — физически. В 1930-е годы спецслужбы собирали

«компромат» практически на всех белорусских писателей. Это дело всячески поощрял первый секретарь ЦК КПБ Н.Ф. Гикало. Ни один политический процесс не обходился без ареста и осуждения писателей. Их включали во все крупные «контрреволюционные организации».

Именно Гикало стал одним из организаторов и руководителей массовых политических репрессий в БССР. При нем в республике прошли чистки партактива. Он входил в состав «троек», выносивших в основном «расстрельные» приговоры.

Начатая письмом Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма» в редакцию журнала «Пролетарская революция» идеолого-политическая кампания по разоблачению троцкизма приобрела широкий размах после закрытого письма ЦК ВКП(б) от 18 января 1935 года, который был назван «Уроки событий, связанных со злодейским убийством тов. Кирова».

В парторганизациях Белоруссии обсуждение этого письма вылилось в шумное исключение из партии, увольнение с занимаемых постов, а в дальнейшем и арест заместителя Председателя СНК БССР, председателя Госплана республики М.С. Галенды и уполномоченного Наркомвнешторга СССР при СНК БССР И.И. Флиора. Обоим припомнили их участие в троцкистско-зиновьевской оппозиции во второй половине 1920-х годов. Руководил всей кампанией первый секретарь ЦК КПБ Н.Ф. Гикало.

Поиски «троцкистского компромата» на первого вице-президента Академии наук БССР, члена ЦК КПБ и ЦИК БССР, в прошлом видного деятеля польского крестьянского и коммунистического движения Томаша Домбаля тоже инспирировал сам Гикало. Он же направил в ЦК ВКП(б) на имя Л.М. Кагановича и Н.И. Ежова ряд информации, в которых Домбаль обвинялся в троцкизме, антисоветских высказываниях, подозрительных отношениях с польским консулом, и даже в «научной слабости». Т.Ф. Домбаля арестовали в Москве, куда он вернулся после освобождения от работы в БССР, а в 1937 году расстреляли.

Гикало лично виновен в гибели писателя, государственного и общественного деятеля, академика АН БССР Янки Нёманского (Ивана Андреевича Петровича). После исключения его из партии Минским горкомом, Нёманский (Петрович) 10 января 1936 года написал письмо Гикало в виде развернутой автобиографии. Результат? В Национальном архиве РБ хранится постановление бюро ЦК КПБ от 31 января 1936 года: «Подтвердить решение Минского ГК КП(б)Б об исключении тов. Петровича в результате проверки пар-

тийных документов. Н. Гикало». После этого И.А. Петровича ждали арест и расстрел 30 октября 1937 года.

О результатах четырехлетней «чистки» республиканских партийных рядов можно узнать из записки ЦК КПБ во Всесоюзный ЦК от 10 февраля 1936 года на имя секретаря ЦК ВКП(б) Н.И. Ежова: Компартия Белоруссии уменьшилась на 23 тысячи 421 человека, то есть почти наполовину. Н.Ф. Гикало, подпись которого стоит под запиской, информировал Н.И. Ежова:

Янка Нёманский
(И. Петрович)

«Мы имеем теперь ряд предприятий, где количество исключенных превышает количество коммунистов на предприятиях. В связи с этим ЦК КП(б)Б ставит вопрос о выселении из Белоруссии в тыловые республики и области до 1000 человек наиболее опасных врагов, которые исключены из партии, и выселении большинства исключенных из пограничных районов в тыловые районы республики».

Как утверждал Гикало, ослабление бдительности партийных организаций, дало возможность классовому врагу, шпионским и белогвардейским элементам долгое время оставаться неразоблаченными и пробраться на важнейшие участки работы в республике.

Но в январе 1937 года Н.Ф. Гикало по указанию Москвы сняли с поста первого секретаря ЦК КПБ, а в феврале перевели на пост первого секретаря Харьковского обкома и горкома компартии Украины. Здесь его и арестовали 11 октября 1937 года.

В Национальном архиве РБ обнаружена докладная записка на имя П.К. Пономаренко от 29 июля 1939 года бывшего редактора газеты «Звезда» Н. Стернина, который 13 месяцев находился под следствием в минской тюрьме НКВД и подвергался страшным пыткам. В записке есть такие строки:

«Что же “надо” было написать? В чем следовало признаться? Мне надо было “признаться”, что я был руководителем “Нового центра” Всебелорусской нацистской организации, что был завербован Гикало, что “Новый центр” имел связь с Москвой, центральными работниками, имел связи с заграницей — Берлином, Варшавой».

Следователи НКВД БССР утверждали, что Гикало — организатор в Минске «боевых террористических групп», которые якобы гото-

вили покушение на К.Е. Ворошилова, что бывший первый секретарь возглавлял в Белоруссии троцкистское подполье и был агентом английской разведки.

Участь его была предрешена заранее. Чекистам оставалось вырвать у Гикало «признание». Они добились своего. «Работу по созданию троцкистской организации в БССР я начал в 1935 году...» — написал Гикало. Военная Коллегия Верховного Суда СССР 25 апреля 1938 года приговорила его к смертной казни. В тот же день он был расстрелян.

В.Ф. Шарангович

Василий Фомич Шарангович (1897—1938) был сыном крестьянина из деревни Кочаны в Виленской губернии (ныне в Мядельском районе Минской области).

С 1910 года работал слесарем, помощником машиниста на железной дороге (в Молодечно). В декабре 1917 вступил в РСДРП(б), в 1918 году — в Красную армию. В декабре 1919 года ЦК КПБ направил его на подпольную работу в Минскую губернию. Здесь он очень быстро «провалился». Его арестовала польская контрразведка, а суд приговорил к смертной казни, замененной 10 годами тюремного заключения. Через 18 месяцев (в конце 1921 г.) его обменяли на польских военнопленных.

В 1921—23 гг. Шарангович, не имевший даже среднего образования, занимал пост заместителя наркома юстиции БССР! В 1923—26 гг. он был ответственным секретарем Совета профсоюзов БССР. В 1926—29 годах по приказу партии находился на профсоюзной работе в Сибири, в 1929—30 гг. занимал пост первого секретаря Иркутского окружного комитета ВКП(б).

С октября 1930 по февраль 1934 года снова работал в БССР, был вторым секретарем ЦК КПБ. С 1934 года он член Комиссии партийного контроля (КПК) при ЦК ВКП(б), уполномоченный КПК по Казахстану, а с 1936 года по Харьковской области Украины.

В марте 1937 года его прислали в Минск возглавить ЦК КПБ вместо Гикало. Формальное «избрание» первым секретарем ЦК (и одновременно первым секретарем Минского горкома партии) произошло на XIII пленуме ЦК, работавшем с 14 по 18 марта. В это время кампания массовых репрессий разворачивалась все шире. Вполне ожидаемо пленум завершился «программной речью» нового первого секретаря. Она вполне соответствовала духу времени:

«Во всей ВКП(б) вскрыто довольно большое количество всяких троцкистов, вредителей, шпионов... Я не верю, товарищи, чтобы троц-

кисты, вся эта диверсионная и шпионская сволочь нашу Белоруссию оставили в стороне. (Голоса: «Правильно».)

Я думаю, что вся эта сволочь здесь, в Белоруссии, себя конспирирует больше для того, чтобы в наиболее ответственный для нас период строить нам какие только сможет пакости».

Вряд ли кто-нибудь из участников пленума верил, что все обстоит так на самом деле. Но они прекрасно знали, кто стоит за кулисами этого трагического спектакля. И очень хотели уцелеть.

В июне 1937 года на XVI съезде КПБ Шарангович заявил:

«Мы должны уничтожить до конца остатки японо-немецких и польских шпионов и диверсантов, остатки троцкистско-бухаринской банды и националистической падали, раздавить и стереть их в порошок, как бы они ни маскировались, в какую бы нору ни прятались».

Василий Шарангович

Несомненно, он не подозревал, что в Москве его самого уже включили в очередной список «шпионов, диверсантов и падали». В июле (29-го) состоялся XIV пленум ЦК КПБ. Общее направление его работе задал Я.А. Яковлев, выступивший с докладом «О решении ЦК ВКП(б) по вопросам о руководстве ЦК КП Белоруссии». Фактически этот доклад провозгласил курс на уничтожение руководящих кадров республики. Следуя курсу, указанному Москвой, Владимир Потапейко, только что избранный третьим секретарем ЦК, обвинил Ша-

ранговича во «вредительстве».

Еще за несколько дней до этого Пленума, 17 июля, Шаранговича арестовали. Он понадобился в качестве фигуранта от Белоруссии для готовившегося в Москве политического процесса по делу «Правотроцкистского антисоветского блока». Процесс этот, как давно уже доказано, был фальсифицирован от начала и до конца. Все его жертвы (а это 83 человека) давным-давно реабилитированы.

13 марта 1938 года Шаранговича, как и других, приговорили к смертной казни. В своем последнем слове он заявил:

«Я прочувствовал весь кошмар совершенных мной изменнических, предательских преступлений против советского народа, против Советской страны. Каждый такой, как я, безусловно будет раздавлен всей мощью советской власти».

Вероятно, он надеялся, что за примерное поведение на процессе ему сохранят жизнь. Напрасно. Василия Фомича расстреляли через два дня — 15 марта.

Смысл ликвидации верных «цепных псов»? Исследователи террора 1930-х годов в СССР считают, что согласно указаниям Сталина были осуществлены две кампании по уничтожению большинства организаторов и исполнителей массовых репрессий в стране — партаппаратчиков и чекистов. «Первая волна» прокатилась в 1934—35 годы, «вторая волна» — в 1937—38 годах. Тем самым удалось «убить сразу двух зайцев». Во-первых, ликвидировать опасных свидетелей. Во-вторых, свалить вину за репрессии на «врагов народа», якобы пробравшихся в партийное руководство и в карательные органы.

А.А. Волков

Алексей Алексеевич Волков (1890—1942) возглавлял партийную организацию БССР с 11 августа 1937 до 11 июня 1938 года. И все эти 10 месяцев он именовался «исполняющим обязанности» первого секретаря ЦК компартии Белоруссии.

Алексей Волков родился в деревне Дмитриево Касимовского уезда Рязанской губернии (теперь Рязанская область). Образование — курсы марксизма-ленинизма при ЦК РКП(б). С 1917 года он был заведующим отделом исполкома Петроградского совета, а с июня 1918 — заведовал отделом здравоохранения в исполкоме районного совета. В 1919 году Волков служил в Красной Армии. В 1920 году он был ответственным организатором райкома РКП(б) в Петрограде.

Затем его «перебросили» на юг. В 1920—21 гг. Волков занимал должность председателя исполкома совета депутатов Ташкента. С ноября 1921 по апрель 1922 года являлся заместителем председателя Комитета помощи голодающим Туркестана. В мае — июле 1922 года А.А. Волков был начальником Главного управления коммунального хозяйства наркомата внутренних дел Туркестанской АССР, а в июле — ноябре 1922 года наркомом социального обеспечения Турк. АССР. В ноябре того же года его понизили в должности, назначив заместителем наркома социального обеспечения Турк. АССР. В декабре Волков стал ответственным секретарем Полторацкого уездного комитета КП(б) Туркестана. С марта 1923 года он занимал пост ответственного секретаря Красноводского, а с сентября — Мервского уездного комитета компартии Туркестана.

В декабре 1924 года 34-летнего А.А. Волкова назначили заместителем наркома рабоче-крестьянской инспекции Туркменской ССР,

а ноябре 1927 года его избрали членом Центральной комиссии КП(б) Украины

Через 10 лет, 29 мая 1937 года, Волкова «избрали» вторым секретарем Московского горкома партии. Но скоро «перебросили» в БССР. Информационное сообщение в белорусской печати гласило:

«Вчера, 11 августа (1937 года. — Э.И.), в гор. Минске состоялся пленум ЦК Коммунистической партии (большевиков) Белоруссии с участием члена ЦК ВКП(б) тов. Яковлева Я.А. Пленум ЦК избрал исполняющим обязанности первого секретаря ЦК КП(б) тов. Волкова А.А.».

На заседании пленума ЦК КП(б)Б, созванного 11 августа 1937 года для утверждения нового партийного руководства, Волкова и Левицкого представлял Яков Яковлев, рассказавший об их предыдущей деятельности. Стенограмма заседания следующим образом передает характеристику Волкова:

«Тов. Волков известен Центральному Комитету как настоящий большевик, никогда ни в каких отклонениях, ни в больших, ни в малых, не участвовал, проверенный на очень сложных трудных заданиях человек, который может твердо, по той линии, по которой требует Центральный Комитет партии, вести партийную организацию Белоруссии.

Тов. Волков старый питерский путиловский рабочий, на Путиловском заводе он вступил в партию, был одним из руководителей путиловских рабочих в 1917 г.; во время гражданской войны принимал активное участие в обороне Петрограда; работал на самых различных постах, в самых разных частях нашей страны и везде показывал себя как настоящий большевик. Тов. Волков работал в Средней Азии председателем Ташкентского исполкома, затем руководителем ЦКК-РКИ, учился на курсах марксизма-ленинизма и их окончил, работал в Саратове, Луганске.

В настоящий момент, при крайних воплях со стороны тов. Хрущева, был освобожден для работы в Белоруссии — он работал вторым секретарем Московского комитета партии по городу (фактически первым секретарем МК). И как тов. Хрущев ни кричал по сему поводу, но обязанность Московской организации — быть резервом кадров для других организаций, и Центральный Комитет его не послушал».

(Национальный архив Республики Беларусь (далее НАРБ). Ф. 4п. Оп. 20. Д. 163. Л. 1—3.)

Назначение в Белоруссию Волкова, работавшего до того преимущественно в городах, и Левицкого, занимавшегося земельными делами, подразумевало план, как пояснил далее Яковлев, «сочетать специально городской и деревенский опыт общепартийного руководства и опыт специально деревенского руководства».

Представляя Волкова пленуму Яковлев не упомянул важное обстоятельство, которое надо учитывать, рисуя портрет нового партийного начальника в республике. Об этом обстоятельстве напоявила газета «Советская Белоруссия» от 2 декабря 1937 года при изложении биографии кандидата в депутаты Верховного Совета СССР А.А. Волкова. В статье говорилось, что он «учился работать и бороться с классовым врагом у славного большевика, верного соратника товарища Сталина Лазаря Моисеевича Кагановича»; что ему очень многое дала работа под руководством «Никиты Сергеевича Хрущева — верного воспитанника Лазаря Моисеевича»; что полученный опыт и методы он умело применял в борьбе с «троцкистами, зиновьевцами, националистическими группами в Средней Азии», с шумскизмом и национализмом на Украине. И все это под «личным руководством Лазаря Моисеевича».

А в Белоруссии ему предстояло выполнить (и он считает это величайшим своим счастьем) «боевое задание Иосифа Виссарионовича Сталина — очистить этот боевой форпост Советского Союза от всякой вражьей нечисти, начиная с троцкистско-бухаринских бандитов и кончая национал-фашистским отребьем, шпионами, диверсантами и врагами».

Участники пленума задали Яковлеву два вопроса: в каком году оба кандидата на высшие партийные посты вступили в партию и имеет ли Волков партийные взыскания. Яков Яковлев ответил: «Волков вступил в партию в 1915 году, Левицкий — в 1920 году».

Других кандидатур на должности первого и второго секретаря ЦК компартии Белоруссии не было. Исполняющие обязанности — так официально называлось их положение в КПБ.

Вторым секретарем ЦК был избран еще один «москвич», еще один Алексей — А.М. Левицкий (1904—после 1989), заведовавший до того Московским областным земельным управлением.

Председателем счетной комиссии на пленуме был избран член бюро ЦК КПБ, нарком внутренних дел БССР и одновременно начальник Особого отдела Главного управления госбезопасности НКВД СССР по Белорусскому военному округу Борис Берман, назначенный на этот пост пятью месяцами раньше, в марте 1937 года.

Алексей Волков

11 августа 1937 года Волков приступил к исполнению обязанностей руководителя партийной организации в республике, о которой не имел ни малейшего представления. Как личность, он сформировался в обстановке гражданской войны; генеральный секретарь ЦК всесоюзной компартии Сталин «вооружил» его теорией обострения в стране классовой борьбы по мере дальнейшего строительства социализма «в одной, отдельно взятой стране». Не удивительно, что ему кругом мерещились классовые враги, троцкисты, вредители, шпионы, диверсанты.

Именно при Волкове и Бермане массовые политические репрессии достигли своего пика. В этот период стало практикой на каждом (!) заседании бюро ЦК снимать с работы, исключать из партии, отдавать под суд партийно-советских руководителей.

Уже через месяц после своего назначения в Белоруссию, в сентябре 1937 года, Волков счел необходимым доложить Сталину о проделанной им работе. На одиннадцати страницах плотного машинописного текста докладной записки поместились восемь разделов: «О ходе выполнения решений ЦК, ВКП(б) и СНК СССР по БССР», «Политическое настроение масс», «Сопротивление врагов», «О торговле», «Положение в ЦК КП(б)Б», «Вредительство в партийной работе», «Вредительство в комсомоле», «Положение в аппарате правительства БССР». В каждом из них — информация о том, что сделано по ликвидации «вредительства» и какие меры намечены на ближайшее будущее:

— «Ликвидировано 82 из 138 «вредительски организованных совхозов» и их земли переданы колхозам;

— Вокруг некоторых городских и районных центров часто наблюдается «расстановка вражеских сил из бывших белогвардейцев, которые работают либо председателем колхоза, либо врачом или учителем, проводя вражескую работу» — «в данный момент все эти извращения исправлены»;

— Польские шпионы Шаранговича брали курс на захват ЦК КПБ, на вовлечение в его состав и аппарат своих людей — шпионов, национал-фашистов, троцкистов, правых, политически и морально разложившихся для того, чтобы создать благоприятные условия в работе центра антисоветского подполья в Белоруссии» — из 64 членов ЦК разоблачены и арестованы 20, сняты с работы 6 человек, стоит вопрос об исключении их из партии и аресте; из 36 работающих инструкторов ЦК должны быть немедленно сняты с работы за связь с врагами народа 22 человека.

— Из 39 членов Минского горкома партии разоблачены и арестованы как враги народа 10 человек, среди пропагандистов оказалось 50 руководителей марксистско-ленинских кружков — врагов народа;

— Во главе ЦК ЛКСМБ был враг народа Августайтис, который «брал ставку на вербовку из среды комсомола вражеских кадров, проводил работу по разложению комсомольской организации»;

— «Правительственный аппарат республики был и остается сильно засоренным врагами» — из 12 наркомов 8 разоблачены и арестованы;

— Однако «враг еще есть», «он продолжает свою подрывную работу»*.

Слева направо: Николай Старостин, Генрих Ягода, Лазарь Каганович, Никита Хрущев, Иосиф Сталин, Андрей Андреев и др. Москва, 1935 г.

Волков просил генерального секретаря «дать указания» об аресте третьего секретаря ЦК КПБ Потапейко, председателя Совнаркома Волковича, об отзыве из БССР уполномоченного КПК Шустина «как не ведущего никакой борьбы с врагами и теперь ни одного вопроса о борьбе с врагами и о ликвидации последствий вредительства не поставившего».

«Просьба» Волкова была услышана, соответствующие «указания» Сталин дал. В результате В.Д. Потапейко (1907–1941) был освобожден от обязанностей секретаря ЦК КПБ и выведен из со-

* См.: НА РБ. Ф. 4п. Оп. 21. Д. 268. Л. 111–122.

става ЦК, Данила Волкович (1900—1937) в сентябре был арестован в Москве, а в ноябре осужден на смерть, А.Я. Шустина сняли с должности*.

Заняв пост первого секретаря ЦК КПБ, П.К. Пономаренко в докладной записке Г.М. Маленкову в ЦК ВКП(б) от 3 июля 1939 года сообщал:

«В течение второй половины 1937 и начала 1938 г. по прямому заданию руководства ЦК КП(б)Б по Белоруссии широко развернулись так называемые показательные процессы над районными руководителями, которых судили на глазах разложившейся части единоличников, показывающих все, что угодно, так как они были озлоблены на требования руководителей выполнять госпоставки. Были исключены из партии и сняты с работы 24 секретаря райкомов, 33 секретаря райкомов партии были просто сняты с работы с наложением различных партийных взысканий. Подавляющее большинство из них реабилитированы. Были сняты с работы и арестованы около 50 председателей райисполкомов. В подавляющем большинстве они также освобождены и реабилитированы.

...Я должен заявить прямо, что личность быв[шего] второго секретаря ЦК вызывает у меня, на основании всех приведенных и многочисленных других данных, серьезнейшее сомнение, а т. Волков, главным образом, действовал по указке Левицкого и Бермана. Достаточно сказать, что все дела, которые решались Центральным Комитетом, предварительно ими согласовывались с б[ывшим] руководством НКВД».

(НАРБ. Ф. 4п. Оп. 21. Д. 1522. Л. 1—8.)

Пономаренко приводит один показательный пример:

«Следует привести еще такой факт, когда бывший секретарь ЦК Левицкий вместе с Берманом, бывшим наркомом внаудел-врагом выехали в Бобруйск на собрание партийного актива. В одну ночь арестовали 17 человек руководящих районных работников, в том числе прокурора, председателя уполнаркомзага. Большинство из этих работников реабилитированы». (Там же.)

Архивные документы и другие источники позволяют сделать вывод, что А.А. Волков принимал самое непосредственное участие в организации политических репрессий в Белоруссии, согласовывая свои действия с наркомом НКВД БССР Б.Д. Берманом и сменившим его А.А. Наседкиным.

Однако они чересчур увлеклись. В январе 1938 года состоялся Пленум ЦК ВКП(б), обсудивший некоторые итоги предыдущего

* В октябре 1938 г. В.Д. Потапейко был арестован. В результате жестоких пыток он сошел с ума, но, тем не менее, получил 15 лет лагерей. Погиб в лагере. — *Прим. ред.*

года. Было принято постановление «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключённых из ВКП(б) и о мерах по устранению этих недостатков».

В Москве увидели, что дело идет к параличу системы руководства и хозяйственно-экономической жизни огромной страны. Во многих районных исполкомах советов и в комитетах партии были арестованы все председатели и почти все руководители отделов. Кроме того, тысячи предприятий в СССР остались к этому времени без грамотных руководителей и без инженерно-технических специалистов. Пришлось срочно вносить коррективы. Постановление требовало «без остатка» ликвидировать практику «валового подхода» к исключениям из партии, которые автоматически влекли за собой увольнение с работы и, в большинстве случаев, арест органами НКВД.

Но, несмотря на то, что ЦК КПБ обсудил и, естественно, «одобрил» данное постановление, восстановил в партии несколько сот ранее исключенных, «антипартийная практика» в Белоруссии продолжалась, потому что все исключения и аресты, по мнению А.А. Волкова и Б.Д. Бермана, «были правильными». Стало ясно, что зарвавшихся «товарищей» надо срочно убирать. Бермана заменили в конце мая, в июне настала очередь Волкова.

Смена «капитана»

С 10 по 18 июня 1938 года проходил XVII съезд компартии Белоруссии. Сначала все шло как обычно, разве что основной докладчик (А.А. Волков), привыкший говорить долго, грубо нарушил регламент выступлений. Его отчетный доклад занял полностью вечернее заседание в день открытия съезда и утреннее заседание на следующий день. Возражать делегаты остерегались.

В упомянутой выше докладной записке Маленкову от 3 июля 1939 года Пономаренко констатировал:

*Секретарь ЦК ВКП(б)
А. Андреев и П. Пономаренко.
Минск, 1938 г.*

«На 17 съезде КП(б) Белоруссии секретарю Центрального Комитета по регламенту установлено 3 часа. Тов. Волков говорил 6 часов. И когда один из военных товарищей, после того как Волков говорил уже 6 часов, в своем выступлении сказал, что доклад т. Волкова по содержанию его совсем не удовлетворил, а по форме он слишком длинен, т. Волков квалифицировал это как вылазку классового врага и потребовал от делегации ночью собраться и обсудить этот поступок».

После обсуждения отчетных докладов первого секретаря ЦК и председателя Ревизионной комиссии состоялись выборы нового состава руководящих органов партии. При выборах ЦК за А.А. Волкова проголосовали «за» 406 делегатов, «против» — 8. Против А.М. Левицкого проголосовали 13 делегатов.

Но на вечернем заседании 16 июня произошло неожиданное. Вместо объявления результатов голосования был объявлен перерыв в работе съезда на весь день 17 июня и первую половину 18 июня.

На вечернем заседании 18 июня в президиуме съезда уже сидели секретарь ЦК ВКП(б) Андрей Андреев и заместитель заведующего Отдела руководящих партийных органов ЦК ВКП(б) Пантелеймон Пономаренко. Именно на этом заседании Пономаренко был «избран» в состав ЦК КПБ, а новые члены ЦК, в свою очередь, «избрали» его первым секретарем.

Дальнейшая судьба А.А. Волкова такова: В июне — июле 1938 года он находился в распоряжении ЦК ВКП(б), 31 июля его назначили председателем Совнаркома Чувашской АССР, а в октябре того же года «избрали» первым секретарем Чувашского обкома ВКП(б). С марта 1940 года он находился на хозяйственной работе. С 21 марта 1939 по 20 февраля 1941 года был членом Центральной Ревизионной Комиссии ВКП(б). А 4 марта 1942 года он умер в Москве.

КАК ПОНОМАРЕНКО «РУКОВОДИЛ» БССР

До настоящего времени исследователи не пришли к однозначному мнению относительно того, кто рекомендовал Пономаренко Сталину на должность первого секретаря ЦК КПБ. Но, если исходить из документа, подписанного Н.М. Шверником в мае 1958 года, это сделал Г.М. Маленков.

Прямых оснований для такого назначения не было. Хотя в 1932 году Пономаренко некоторое время служил в Могилёве, в Белоруссии он никогда не работал, местных руководителей, условий работы в национальной республике не знал, в ЦК ВКП(б) Белоруссию не курировал. Поэтому, по его собственному признанию, назначение в Минск стало для него неожиданным, как, впрочем, и для белорусских «товарищей по партии».

Понятно, что это назначение явилось очень большим шагом в карьере Пономаренко. Посты заместителя заведующего отделом ЦК ВКП(б) и первого секретаря ЦК компартии союзной республики относились к разным «весовым категориям».

Пономаренко на «личном уровне»

Что представлял собой в то время Пономаренко?

Вот что писал в своих воспоминаниях бывший Председатель Совнаркома БССР Афанасий Фёдорович Ковалёв (1903–1993):

«Пономаренко установил жёсткую систему принятия совместных постановлений ЦК КП(б)Б и СНК БССР. Я в этом не видел ничего плохого, когда это касалось вопросов большого государственного значения. Но когда СНК принимал, например, такие постановления, как «О развитии художественных промыслов в БССР», «Об организации театрального училища», «О мероприятиях по подъёму урожайности и улучшению качества волокна и семян льна-долгунца» и т.п., тут я настаивал на полной самостоятельности Совнаркома. Это Пономаренко не нравилось. Он был недоволен.

Наконец, у меня с ним произошёл колкий разговор по этому поводу. Я сказал, что СНК это всё-таки не отдел ЦК, это правительство республики, которое должно самостоятельно, без лишней опеки принимать свои решения. Пономаренко ничего не ответил. Молчание — знак согласия? Как знать... А может оно, напротив, признак недовольства, и тебе ещё при случае дадут понять, что двух королей в одном королевстве не бывает?

(Да, далеко не случайно Пономаренко в январе 1939 года санкционировал арест А.Ф. Ковалева. Полтора года он провел в тюрьме, где подвергался жестоким пыткам. Потом еще два года находился в ссылке в Омской области. — *Ред.*)

Жили мы с ним по соседству на государственной даче в Дроздах, недалеко от Минска. Хотя и редко, но, случалось, обедали за одним столом. Иногда вечерами прогуливались по дачным окрестностям.

Он был страстным бильярдистом. По воскресеньям или в праздничные дни вместе играли. От стола он мог не отходить целую ночь. Разгоряченно нацеливал кий для очередного удара, кричал, будто на поле сражения:

— Седьмым в одиннадцатый! Пятёрку — в правую лузу!

Если удар получался метким, напарник мой ликовал от восторга:

— О-о, брат, я в этом деле собаку съел! Все приёмы усвоил!

Чтобы потешить собственное честолюбие, иногда он даже выискивал «на стороне» таких же заядлых бильярдистов, как сам. И привозил их в Дрозды.

Но меня, признаться, больше удивляло другое: как он придумывал, на мрачную злобу дня, свои словечки для многих бильярдных позиций и приёмов. К примеру, пирамиду, один из видов игры, он называл не иначе, как «оппозицией».

— Сейчас мы эту оппозицию разнесём вдребезги! — азартно приговаривал он, глядя на шары, лежащие аккуратно на треугольнике.

Пономаренко в 1940 г.

А когда, скажем, партия подходила к концу и у борта оставался единственный не загнанный ещё в лузу шар, Пантелеймон Кондратьевич победно ему грозил:

— Сейчас я тебя, последняя контра!..

Сближало ли нас дачное соседство, сказать затрудняюсь. Пономаренко был совсем не из тех людей, которые на откровенность и простодушие отвечают тем же. Он мог расположить вас к себе доверительностью и сочувствием. А затем, когда менялась ситуация и вас, допустим, начинали критиковать за какую-нибудь неуправку, — тут-то Пантелеймон Кондратьевич возьмёт да и подсыплет песочка:

— Участок работы у имярека большой, ответственный. И разве имярек может его поднять, если даже со своей семьёй не умеет управляться?».

Пономаренко, исполняя Постановление январского (1938 года) Пленума ЦК ВКП(б), принял меры по освобождению из-под ареста нескольких сотен коммунистов, исключенных из партии и осужденных по ложным доносам. Это способствовало повышению его личного авторитета*.

А что еще он делал в это время?

Ликвидация хуторов

Исторически сложилось так, что в Белоруссии — в отличие от России и Украины — основной формой крестьянских хозяйств были хутора. Понятно без лишних слов, что практически все хуторские хозяйства являлись единоличными. Следовательно, самим фактом своего существования они препятствовали плану всеобщей коллективизации крестьянства в СССР.

Всесоюзное большевистское руководство меньше всего интересовал тот факт, что с времен так называемой «Валочной памеры» (аграрной реформы, завершенной к середине XVI века) большинство крестьян Белоруссии проживало именно на хуторах и застенках. Их беспокоило иное: всякий единоличник, объективно, враг коммуны.

Условием всеобщей коллективизации села была полная ликвидация единоличных хозяйств. Требовалось сделать абсолютно всех крестьян экономически полностью зависимыми от государства. До тех пор, пока крестьянин вел собственное хозяйство он, несмотря на все поборы в виде натурального налога, мог жить для себя, для своей семьи, а не для государства.

Государству же крестьяне нужны были только в двух качествах: во-первых, как производители сельхозпродукции, которую у них беспощадно изымали в колхозах и совхозах, оставляя минимум для собственного пропитания под видом оплаты так называемых «трудодней» и, во-вторых, как людская масса, обеспечивающая нужды производства и вооруженных сил.

Следовательно, хутора надо ликвидировать, жителей хуторов вместе с их хатами «стянуть» в деревни. Еще 30 января 1937 года ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли решение о «стягивании» в БССР до конца года 13 тысяч хуторов.

Официально переезд с хуторов должен был осуществляться добровольно. Хотя план по «стягиванию» хуторов еще не был выполнен

* Вот ведь как бывает. Сталин и его ближайшее окружение приняли решение перенаправить острие террора, потому что увидели, что в стране скоро вообще не останется грамотных толковых руководителей, инженерно-технической интеллигенции, а люди вроде Пономаренко нажили на этом определенный политический капитал. — *Ред.*

(к октябрю успели переселить только 9896 дворов), 25 октября 1937 года ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли решение о ликвидации в БССР ещё 30 тысяч хуторов*.

Но, несмотря на все меры и контроль со стороны партийных органов, переселение осуществлялось медленно. 13 мая 1938 года бюро ЦК КП(б)Б определило, что в колхозные центры переселено только 9,8 % от запланированного количества крестьян, а жильем на новых местах обеспечены только 3,2 % вчерашних хуторян. Было также много случаев, когда люди вновь возвращались на свои хутора**. Несмотря на все давление, крестьяне всеми силами держались за свои хутора.

Ознакомившись с ситуацией, Пономаренко направил просьбу в ЦК ВКП(б) изменить порядок переселения и выдавать кредиты на строительство новых домов только при условии уничтожения хутора. Он писал в своей докладной записке:

«Если колхозному двору выдан кредит на переселение в колхозный центр, то хуторский двор после переселения должен быть снесён».

Партийные руководители других союзных республик поддержали это предложение Пономаренко. 9 января 1939 года бюро ЦК КП(б)Б утвердило план переселения на год. Предполагалось переселить 32 тысячи хуторов, в том числе 3 тысячи хозяйств, получивших кредиты в 1938 году***. К 20 мая 91,3 % хуторян, запланированных к переселению, вынужденно подали заявления.

Акцентируя внимание на обязательность переселения, Пономаренко подчеркнул:

«Надо на президиуме райисполкома вынести решение. В связи с тем, что единоличник такой-то категорически отказался выполнить постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР о сселении с хутора, сселение произвести принудительным порядком. В данном случае, когда будет решение президиума райисполкома о принудительном сселении. Здесь, безусловно, придётся помочь колхозу. А потом через народный суд предъявить иск на те затраты, которые будут произведены».

(НАРБ. Ф. 4п. Оп. 28. Д. 232. Л. 9–10.)

27 мая 1939 года ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление с нейтральным, на первый взгляд, названием: «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания». Оно ставило целью завершить «стягивание» хуторов в СССР в 1939 году, а также

* НАРБ. Ф. 4п. Оп. 28. Д. 114. Л. 1.

** НАРБ. Ф. 4п. Оп. 21. Д. 1391. Л. 146–147.

*** НАРБ. Ф. 4п. Оп. 28. Д. 235. Л. 1.

переселить всех единоличников. Пленум ЦК ВКП(б) поддержал это решение. Соответственно, был утверждён новый план «стягивания» на 1939-й год — 93 тысячи хуторов.

С помощью органов НКВД и милиции уже к 1 июля 1939 года план переселения был выполнен на 111,5 %, а вот план заселения в дома — только на 19,1 %. Людей переселили в основном в перенесённые с хуторов дома, в большинстве своём с соломенными крышами, без оконных рам, без дверей. Часто в домах отсутствовали

Типичный белорусский хутор (он же «застенок»)

даже потолки и пол. Однако это не помешало план переселения в 1939 году считать выполненным на 99,5 %*.

О переносе столицы из Минска в Могилёв

Мало кому известно, что с Пономаренко связано оставление Минска столицей БССР.

В конце 1930-х годов предпринимались целенаправленные действия по переносу политического центра республики из Минска в Могилёв. Смена столицы обуславливалась неблагоприятным расположением Минска как в военно-стратегическом отношении (32 километра от черты города до государственной границы), так и в плане оптимального административного деления БССР. Соседнюю Польшу советское руководство считало своим заклятым врагом, а это заставляло думать о целесообразности сохранения за Минском статуса столицы республики.

* Протыко Т.С. Становление советской тоталитарной системы в Беларуси (1937–1941 гг.). Мн., 2002, с. 563.

Исходя из такого рода соображений, в декабре 1937 года руководство БССР обратилось к руководству СССР с просьбой санкционировать перенос столицы из Минска в Могилёв. В качестве причины этого решения называлась близость Минска к польской границе, а также его «слабая связь с железнодорожными и шоссейными магистралями не только с центральными городами Союза, но и с районами республики»*. Масштабные работы по подготовке Могилёва к изменению его статуса ЦК КПБ и Совнарком БССР рассчитывали завершить уже к первому кварталу 1939 года.

СНК СССР и ЦК ВКП(б) 19 апреля 1938 года приняли постановление, санкционировавшее перенос белорусской столицы из Минска в Могилёв. Размер финансирования, правда, был значительно (в три раза) сокращён по сравнению с запрашиваемой суммой 350 миллионов рублей**.

В соответствии с этим постановлением руководство БССР во главе с Пономаренко развернуло активную работу по превращению Могилёва в современный административно-политический центр. Однако, несмотря на все усилия правительства БССР и ЦК КПБ, темпы работ существенно отставали от запланированных. К февралю 1939 года программа городского строительства была выполнена всего на 52 %. Волей-неволей пришлось перенести дату переезда правительственных органов в Могилёв на ноябрь того же года.

Однако присоединение Западной Белоруссии к БССР в сентябре — октябре 1939 года привело к тому, что граница СССР значительно отодвинулась на запад от Минска. В связи с этим партийное руководство БССР и прежде всего первый секретарь ЦК КПБ (т.е. Пономаренко) пересмотрели свою позицию относительно столицы республики. Уже 14 октября 1939 года бюро ЦК КПБ по предложению Пономаренко постановило «просить ЦК ВКП(б) пересмотреть решение от 19.04.1938 г. о переносе столицы из г. Минска в Могилёв, оставив столицей БССР г. Минск»***.

* Большевики помнили, что в августе — сентябре 1920 года польская армия вдребезги разгромила Красную Армию в двух грандиозных сражениях, сначала под Варшавой, потом на реке Щара. И хотя предвоенная советская пропаганда неустанно твердила о том, что «непобедимая Красная Армия» будет «бить врага на его же территории», притом «малой кровью, могучим ударом», партийно-советская номенклатура чувствовала себя неуютно рядом с границей. А вдруг польская кавалерия ворвется в Минск уже в первый день войны?! Вот истинная причина переноса столицы. «Слабая связь с железнодорожными и шоссейными магистралями» это для «отмазки». — *Прим. ред.*

** Селицкая Л. Столицей БССР перед войной должен был стать Могилёв // «Вечерний Минск», 2008, 28 августа.

*** НАРБ. Ф. 4-п. Оп. 3. Д. 809. Л. 5.

Дом правительства в Могилёве (копия Дома правительства в Минске)

Подготовка БССР к войне

Как политический руководитель Белоруссии, Пономаренко был обязан выполнять решения Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК СССР, а также личные указания Сталина по военным вопросам. Как член Военного совета Белорусского особого военного округа (вскоре переименованного в Западный ОВО), он должен был выполнять указания наркома обороны СССР С.К. Тимошенко.

Действительно, в 1940–41 гг. в БССР под руководством Пономаренко проводилась значительная работа оборонного характера. В частности, об этом свидетельствуют его докладные записки Сталину: «Об оборонительных мероприятиях в пограничной полосе Белорусского особого военного округа» (11 марта 1940 г.), «Об одной возможности быстрого и дешёвого строительства бомбоубежищ по качествам равным 1-й категории» (28 апреля 1941 г.), «О состоянии строительства укрепленных районов и необходимых мерах помощи» (9 июня 1941 г.), а также заместителю Председателя СНК СССР Л.П. Берии «О состоянии строительства аэродромов в Белорусской ССР» (7 июня 1941 г.).

За год и два с половиной месяца до начала войны в докладной записке Сталину об оборонительных мероприятиях в новой неукрепленной пограничной полосе Пономаренко писал:

«Какие предложения я считаю необходимым внести?»

1. Надо составить генеральный план системы оборонительных сооружений погранполосы, включающий не только линию капитальных долговременных огневых точек, но и искусственные препятствия, более мелкие огневые точки, командные пункты, систему связи и сообщений, что в совокупности и создаёт систему обороны в глубину и по фронту...

2. Пограничная полоса должна быть разбита на укрепленные районы уже сейчас. Должны быть назначены коменданты укрепленных районов с небольшим штатом, хотя там и нет сейчас никаких сооружений...

3. Современные, особенно мощные доты представляют сложный механизм. У них система артогня, электричество, аккумуляторы, вентиляция, радио, газотсос и т.д., поэтому должно быть обращено особое внимание на подготовку гарнизонов этих дотов...

4. Наконец, необходимо решить вопрос о Барановичском укрепленном районе. Там есть из хорошей немецкой стали броневые купола башен, узкоколейки и другое имущество, их необходимо снять, перевезти и использовать.

5. Вопросы, вытекающие из этой записки в объеме возможном для выполнения силами округа, мною будут поставлены перед Военным советом округа.

Секретарь ЦК КП(б)Б Пономаренко».

(НАРБ. Ф. 4п. Оп. 21. Д. 1873. Л. 112—117.)

В докладной записке Сталину «О состоянии укрепленных районов и необходимых мерах помощи», написанной за 12 дней до войны (9 июня 1941 года), Пономаренко беспокоили «главные недостатки»:

«...Несмотря на то, что имеются 550 забетонированных сооружений и бетонировка новых продолжается, построено 909 сооружений полевого доустройства, свою задачу на сегодняшний день укрепленные районы — как укрепленные районы — выполнить не смогут, а могут лишь служить средством усиления войск прикрытия.

Причина этому та, что из 550 забетонированных сооружений вооружены только 193. Военное ведомство не снабдило их пулеметными, орудийными установками, амбразурными коробками и другими средствами вооружения и оборудования. Так, например, недостаёт коробов на 200 сооружениях, вентиляционное и электросиловое оборудование ведётся только на 100 сооружениях, да и то не может быть окончено и сдано в эксплуатацию из-за отсутствия элементов оборудования (электромоторов, бензорезервуаров, распределительных ящиков, вентиляторов, водогрейных котлов и т.д.).

План снабжения, составленный Управлением оборонительного строительства Красной Армии, предопределяет растягивание сроков строительства. Пример такого планирования — амбразурные короба, при потребности во втором квартале 107 штук планируется — 50 штук. Дот — 429 штук, планируется — 175 штук, и т.д.».

(НАРБ. Ф. 4п. Оп. 21. Д. 2333. Л. 71—73.)

Пономаренко выдвигал на первый план в качестве «работы немедленной и самой срочной» четыре задачи:

«1. Привести снабжение оборудованием и вооружением дотов в соответствие с темпами строительства. Принять все меры для доснабжения невооружённых дотов.

2. Пересоставить план снабжения стройматериалами с расчётом окончания бетона полностью к 15 сентября, взяв эти материалы за счёт любых потребителей, кроме м.б. авиации.

3. При условии положительного разрешения сказанного выше увеличить средства и отпускаемые материалы для сооружения дотов сверх установленного плана для заполнения наиболее досадных разрывов в укреплениях.

4. Необходимо разрешить подорвать все доты Барановичского укрепленного района /бывшего польского. — *Ред./*, направленного на восток и поэтому опасного, а бронеколпаки использовать для НП». (Там же.)

В «Дневнике» Пономаренко есть запись, сделанная 12 июня 1941 года. Приведём её текст:

«От 21.00 до 01.00 у т. Сталина на ближней даче (Молотов, Ворошилов, Хрущёв, Микоян, Берия, Шверник, Маленков, Вознесенский). Т. Сталин в вестибюле дачи вытащил из кармана френча мою записку и сказал:

“Вызвал Вас и Хрущёва по вашей записке, переданной по полиграфу (Так в тексте. — *Э.И.*) Прочитал всем записку. Поручил Маленкову, Хрущёву и мне вместе с военными рассмотреть все вопросы записки, особенно по вооружению оборонительных сооружений. И срочнейшим образом решить всё что нужно».

(Пономаренко П.К. Дневник. // «Неман», 2008, № 7, с. 178.)

Пономаренко на учениях войск Западного округа (весна 1939 г.)

Как в воду смотрел Пономаренко в своих прогнозах. Слегка ошибся только с датой: он хотел завершить основные работы по строительству укрепленных районов вдоль новой линии государственной границы хотя бы 15 сентября, а война началась уже 22 июня. К этой дате старая линия оборонительных сооружений была заброшена, новая оказалась недостроенной.

1 апреля 1941 года председатель СНК БССР И.С. Былинский и первый секретарь ЦК КПБ Пономаренко подписали развёрнутое постановление «О мерах по обеспечению строительства аэродромов для Наркомата обороны в 1941 году». 29 апреля бюро ЦК КПБ приняло решение «О строительстве подземных убежищ».

В Национальном архиве РБ («Особая папка») хранится постановление бюро ЦК КПБ «О мероприятиях по улучшению противовоздушной обороны в БССР» от 6 мая 1941 года.

В этом документе намечен комплекс мер по окончанию строительства спецобъектов противовоздушной обороны в Минске и Белостоке (к 15 ноября), по строительству в этих городах бомбоубежищ 2-й категории с использованием подвалов в возводимых домах (к 1 ноября), по приспособлению под бомбоубежище всех пригодных подвалов в других городах республики (к 1 октября).

Наркоматы, горисполкомы, предприятия и учреждения обязывались этим постановлением к 15 июня закончить строительство и оборудование всех имеющихся газоубежищ и 20 июля доложить об их готовности. Управлению МПВО НКВД БССР предлагалось к 10 мая разработать и внести на утверждение Совнаркома БССР положение о светомаскировке на территории Белоруссии. Этому управлению, Мингорисполкому и уполномоченному Наркомата связи СССР по БССР предлагалось к 1 июня ввести в действие в Минске централизованное управление светомаскировкой уличного освещения и оповещения*.

Но, как известно, партийно-советские руководящие органы принимали великое множество всевозможных постановлений. Между тем выполнение их во все времена советской власти оставляло желать много лучшего. Та же судьба постигла и перечисленные выше.

Мало кому известно, что 17 мая 1941 года бюро ЦК КПБ заслушало и обсудило доклад командующего войсками Западного особого военного округа (Зап. ОВО) генерала армии Д.Г. Павлова «Об обстановке на границе и состоянии войск округа».

* НАРБ. Ф. 4. Оп. 21. Д. 221. Л. 81.

Было принято решение об ускорении строительства в республике укрепрайонов и аэродромов. ЦК потребовал от обкомов и райкомов более оперативного решения всех вопросов, приведения в состояние мобилизационной готовности предприятий, учреждений, колхозов, населения, оказания немедленной практической помощи войскам при любых их обращениях.

Тогда же бюро ЦК КПБ утвердило мобилизационный план на случай военных действий, разработанный ЦК совместно с командованием Зап.ОВО. Через много лет Пономаренко напишет:

«ЦК КПБ, правительство республики, местные партийные организации оказывали оборонительному строительству огромную помощь. В ряде областей была введена платная трудгужповинность. Строить укрепрайоны ежегодно выходило более десятка тысяч рабочих, столько же привлекалось подвод с возчиками.

На строительстве аэродромов (велось оно силами республики, под руководством военных инженеров) в завершающей стадии работало 87 тысяч рабочих и 75 тысяч подвод с возчиками. О размахе работ можно судить хотя бы по такому факту. Когда оказалось, что необходимый для строительства камень не может быть доставлен к сроку из карьеров, на-

Слева направо: неизвестный командир РККА, П. К. Пономаренко, командующий войсками БВО М.П. Ковалев, председатель Совета народных комиссаров БССР К.В. Киселев (1939 г.)

ходившихся за пределами республики, население собрало и доставило на аэродромы 707 тысяч кубометров камня.

(...) В свете сложившейся обстановки в мае 1941 года ЦК КПБ заслушал и обсудил доклад командующего округом Д.Г. Павлова "Об обстановке на границе и состоянии войск округа". Обкомам и райкомам партии было предложено повысить бдительность, привести в состояние мобилизационной готовности предприятия, учреждения, колхозы, всё население республики. усилить внимание к нуждам войск, теснее связываться с командованием войсковых частей и соединений. /Все это общие пустые слова. — *Ред./*

Было принято также несколько специальных постановлений по определённым вопросам укрепления обороны. А 26 мая, ещё в мирное время, ЦК КПБ принял решение "Об организации на территории Белоруссии групп и отрядов по уничтожению авиадесантов противника".

За несколько дней до начала войны секретари пограничных райкомов сообщили, что германские части на протяжении всей границы, через определённые интервалы, прорезают проходы в своих проволочных заграждениях. Я сообщил об этом в Москву и немедленно поехал к Д.Г. Павлову. Я заметил Павлову, не считает ли он необходимым в связи с обстановкой привести войска в состояние полной боевой готовности и провести необходимые их перемещения.

Он ответил, что войскам уже даны указания об их действиях по обороне на случай нападения. Каждому соединению и части поручена оборона определённых позиций. Они должны будут занять их по тревоге и стойко удерживать. Что касается перемещений войск и выдвижения их к границе, то он думал об этом, но делать это запретил Генштаб. Один из округов решил провести такие мероприятия по своей инициативе. 10 июня 1941 года последовала директива Генштаба. Подобные действия признаны самочинными, так как они могут спровоцировать вооружённое столкновение».

(Пономаренко П.К. События моей жизни. // «Неман», 1992, № 3, с. 162–163.)

Однако большинство намеченных мероприятий по укреплению обороноспособности округа и республики так и осталось неосуществлёнными до момента начала военных действий.

Следует признать, что руководство Белоруссии и Зап. ОВО, в первую очередь Пономаренко и Павлов, не смогли адекватно оценить степень вероятности вторжения войск вермахта на территорию БССР. Они не проанализировали должным образом ту обширную информацию, которой их постоянно снабжали нарком госбезопасности БССР Л.Ф. Цанава и разведывательный отдел Зап. ОВО.

Докладные записки Пономаренко Сталину, Молотову и Берии, решения ЦК КПБ и СНК БССР носили запоздалый характер, вы-

полнялись очень медленно и только частично. Особенно это касается создания системы ПВО, строительства бомбоубежищ, сроков завершения строительства укрепленных районов.

В результате столица БССР оказалась совершенно беспомощной в противовоздушном отношении в тот страшный день 24 июня 1941 года, когда Минск превратился в огромный костёр

от бомбёжек немецкой авиации. А войска округа не смогли не только остановить, но хотя бы задержать наступавшие части вермахта на рубежах недостроенных укрепленных районов. Белосток, Гродно и Брест пали под натиском врага уже в первые два дня войны, Минск — на шестой день.

Поэтому первый секретарь ЦК, член Военного совета округа должен был нести ответственность за полный разгром Западного фронта и молниеносную оккупацию Белоруссии наряду с командованием Западного фронта, созданного на базе Западного ОВО. Однако по указанию Сталина виновником поражения объявили командование Западного фронта. Генерала армии Дмитрия Павлова арестовали в Смоленске 4 июля 1941 года, а 22 июля расстреляли. Вместе с ним казнили начальника штаба фронта генерал-майора Владимира Климовских, начальника войск связи генерал-майора Андрея Григорьева, командующего 4-й армией генерал-лейтенанта Александра Коробкова. Несколько позже, 16 октября, расстреляли командующего артиллерией генерал-майора Николая Клыча.

Пономаренко отделался легким испугом. Более того, позже он получил в Кремле высокое назначение на должность начальника Центрального штаба партизанского движения.

*Пономаренко (слева) и командный состав
Белорусского ОВО (1939 г.)*

ПОНОМАРЕНКО И РЕПРЕССИИ 1938—1941 гг. В БССР

Почему Сталин не любил Белоруссию

Впервые на земле Белоруссии Сталин побывал в июле 1919 года. Но в его краткой биографии об этом лишь одно предложение: «Летом 1919 года Сталин работает на Западном фронте, в Смоленске, организуя отпор польскому наступлению».

1 июля 1919 года польская армия возобновила наступление на участке от Свенцяи до реки Припять. В телеграмме в ЦК РКП(б) и В.И. Ленину Председатель Совнаркома Литовско-Белорусской ССР (Лит-Бел) В.С. Мицкевич-Капсукас сообщил, что врага удалось остановить в 30 верстах от Минска.

Отступление частей 16-й армии под натиском польских войск вызвало серьёзное беспокойство в Москве. По решению ЦК РКП(б) 5 июля 1919 года на Западный фронт был направлен Особоуполномоченный Совета обороны РСФСР И.В. Сталин. 9 июля он приехал в Смоленск, в штаб фронта.

Сталин одновременно являлся членом Политбюро ЦК РКП(б), наркомом по делам национальностей, членом Реввоенсовета РСФСР и представителем ВЦИК в Совете рабочей и крестьянской обороны.

13 июля 1919 года он приехал в Минск. Здесь Сталин провёл совещание с членами правительства Лит-Бел. Будущий «вождь народов» уже в то время любил, чтобы на местах его слово было решающим. Он заявил, что в целях укрепления Красной Армии следует распустить правительство и совет обороны Лит-Бел, а их членов направить в органы Западного фронта. Своё предложение Сталин высказал на совещании и телеграфом сообщил в ЦК РКП(б) и Ленину.

Руководство КП(б) Литвы и Белоруссии, Совета Оборона Лит-Бел категорически возражало против предложения Сталина. Архивные документы свидетельствуют, что и Оргбюро ЦК РКП(б) сочло ликвидацию правительства Лит-Бел несвоевременной. Однако ЦК РКП(б) 14 июля решил ликвидировать СНК и Совет Оборона, сохранив только республиканский ЦИК. 17 июля 1919 года на совместном заседании ЦИК Лит-Бел, Минского совета депутатов и представителей от профсоюзных организаций Совет Оборона был ликвидирован.

Сталин пробыл в Минске пять дней. Жил он в вагоне, стоявшем у Александровского вокзала. Отсюда выезжал в сторону Молодечно в части 52-й (Западной) стрелковой дивизии, которая вела бои с польскими войсками в районе Минска. Последним днем его пребывания в Минске стало 17 июля.

Приезд Сталина в Минск ничего не изменил в положении на фронте. 28 июля после сильной артиллерийской подготовки польские войска начали из района Радошковичей наступление на Минск. К вечеру 8 августа они полностью овладели городом. Вскоре поляки захватили Слуцк, Игумен (нынешний Червень), Ново-Борисов и Бобруйск.

Только в начале сентября польские войска по приказу своего главнокомандующего Юзефа Пилсудского остановились на рубеже реки Березины. Советско-польский фронт оставался в таком положении до весны 1920 года.

Я долго думал о том, почему в официальной литературе при жизни Сталина ничего не говорилось о его пребывании в Белоруссии в июле 1919 года. И пришёл к такому выводу: в других местах, где побывал Сталин (под Царицыном, Пермью, Петроградом) наряду с поражениями Красной Армии, были и победы, которые можно было приписать Сталину. На Западном же фронте летом 1919

*Пономаренко в президиуме Народного собрания Западной Беларуси.
Белосток, 30 октября 1939 г.*

года Красная Армия только отступала. Поэтому многочисленные биографы Сталина решили об этом промолчать.

Как вспоминал в беседе с автором бывший секретарь Военно-революционного комитета БССР и секретарь ЦИК БССР И.Г. Клишевский, предложения Сталина в ЦК РКП(б) о роспуске Совета обороны и правительства Лит-Бел вскоре были реализованы. Но Сталин не терпел возражений, затаил обиду на многих руководителей Лит-Бел, особенно на председателя СНК Викентия Мицкевича-Капсукаса (1880—1935), его заместителя Якова Долецкого (1888—1937) и председателя ЦИК Казимира Циховского (1887—1940).

Летом 1937 года, после завершения процесса над видными военачальниками РККА, наступила очередь руководителей Лит-Бел, выступивших в июле 1919 года против предложения Сталина о ликвидации этой республики*. Правда, к тому времени ушел из жизни главный «обидчик» Сталина В.С. Мицкевич-Капсукас (он умер 17 февраля 1935 г.).

По указанию Сталина арестовали и позже казнили бывших членов правительства и Совета обороны Лит-Бел, многие из которых к тому времени были руководителями компартий Польши и Литвы, ответственными работниками Коминтерна, наркомов СССР. Были расстреляны бывшие члены Совета обороны Лит-Бел. ССР Иосиф Уншлихт (бывший зам. председателя ЦИК, нарком по военным делам), Юлиан Лешинский-Ленский (бывший нарком просвещения, ныне генеральный секретарь ЦК компартии Польши), нарком зерновых и животноводческих совхозов СССР Моисей Калманович (бывший нарком продовольствия), Яков Долецкий (бывший зам. председателя СНК и член Президиума ЦИК Лит-Бел), Зигмас Алекса-Ангаретис (бывший нарком внутренних дел), Вильгельм Кнорин (бывший секретарь ЦК КП(б) Литвы и Белоруссии), Роман Пилляр (бывший член Президиума ЦИК Лит-Бел).

Труднее оказалось «достать» бывшего председателя ЦИК Лит-Бел Казимира Циховского. Он находился в Испании, где по линии Коминтерна руководил интербригадами. Тогда руководство Коминтерна вызвало Циховского в Москву, якобы для отчёта. Сотрудники НКВД арестовали его прямо в вагоне, неподалеку от Москвы. Его расстреляли ровно за год до начала Великой Отечественной войны — 22 июня 1940 года.

* Этот процесс проходил в Москве в июне 1937 г. Подсудимыми являлись Август Корк, Виталий Примаков, Витовт Путна, Михаил Тухачевский, Иероним Уборевич, Фельдман, Роберт Эйдеман, Иона Якир. — *Прим. ред.*

Можно сделать вывод: И.В. Сталин, отличавшийся злопамятностью и мстительностью, недоброжелательно относился к Белоруссии. Здесь он дважды потерпел фиаско как партийно-государственный деятель высшего уровня власти (в 1919 и в 1920 гг.), здешнее политическое руководство посмело возражать ему.

Большой террор

Здесь снова надо сделать отступление от основной темы книги и кратко рассказать о «большом терроре» в СССР. Статья в Википедии сообщает следующее:

«Большой террор — период массовых репрессий и политических преследований в СССР, датируемый 1937–1938 гг. Кампания массового террора была организована лично Сталиным. Массовые репрессии периода Большого террора осуществлялись на основании “спущенных на места” из Москвы цифр «плановых заданий» по выявлению и наказанию так называемых «врагов народа»».

Исключительная роль Сталина в организации этой широкомасштабной бойни, не имеющей аналогов в истории человечества, не вызывает сомнений и подтверждается всеми документами. Имеются сотни записок, сделанных рукой Сталина, в которых он требовал от чекистов убивать все больше и больше. Приговоры он выносил красным карандашом. Напротив некоторых имен арестованных писал: “Бейте еще”. Внизу многочисленных страниц стояло: “всех расстрелять”. В некоторые дни Сталин приговаривал к смерти более 3000 так называемых “врагов народа».

За эти 2 года по политическим мотивам были приговорены к расстрелу (по официальным данным) 681.692 человека. Вместе с умершими в тот же период в ГУЛАГе, исправительно-трудовых учреждениях и тюрьмах, а также с политзаключёнными, казненными по уголовным статьям, количество жертв за 1937–38 гг. составило в СССР более 1 млн человек.

Название “Большой террор” дано по книге американского автора Р. Конквеста “Большой террор” (*The Great Terror*). В постсталинском СССР период репрессий 1937–38 гг. было принято называть “ежовщиной” по имени народного комиссара внутренних дел Н.И. Ежова, занимавшего этот пост с 30 сентября 1936 по 25 ноября 1938 года».

Московские авторы Н.Г. Охотин и А.Б. Рогинский в своей «Краткой хронике Большого террора» пишут, что массовые репрессии в самом общем виде можно разделить на четыре периода:

«Первый. Октябрь 1936 — февраль 1937 гг. Перестройка карательных органов, установка на чистку партийной, военной и административной элиты от потенциально оппозиционных элементов.

Второй. Март 1937 — июнь 1937 гг. Декретирование тотальной борьбы с «двурушниками» и «агентами иностранных разведок», продолжение чистки элиты, планирование и разработка массовых репрессивных операций против «социальной базы» потенциальных агрессоров — кулаков, «бывших людей», представителей национальных диаспор и т.п.

Третий. Июль 1937 — октябрь 1938 гг. Декретирование и реализация массовых репрессивных операций — «кулацкой», «национальных», против ЧСИР (членов семей изменников родины. — *Ред.*); интенсификация борьбы с «военно-фашистским заговором» в РККА, с «вредительством» в сельском хозяйстве и других отраслях народного хозяйства.

Четвертый. Ноябрь 1938 — 1939 гг. Так называемая «бериевская оттепель»: прекращение массовых операций, упразднение большинства чрезвычайных механизмов внесудебной расправы, частичное освобождение арестованных, уничтожение «ежовских» кадров в НКВД*.

(Альманах «Деда», выпуск 13. Минск, 2014, с. 107.)

Свертывание массовых репрессий началось в ноябре 1938 года. Сначала (14 ноября) ЦК ВКП(б) издал директиву об учете и проверке в партийных органах сотрудников НКВД СССР, союзных и автономных республик. Директива гласила:

«В результате этой проверки органы НКВД должны быть очищены от всех враждебных людей, обманным путем проникших в органы НКВД, от лиц, не заслуживающих политического доверия».

На практике эти слова означали уничтожение чекистов, являвшихся активными участниками репрессий периода 1937–38 гг., а также доверенных людей Ежова.

Через три дня (17 ноября) было издано совместное Постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия». Оно требовало прекратить деятельность всех чрезвычайных судебных органов («троек», «двоек», особых совещаний), запретить массовые аресты, восстановить прежнюю практику согласования арестов с партийными органами и заинтересованными ведомствами.

Новый нарком внутренних дел СССР Лаврентий Берия в развитие этого постановления издал 26 ноября соответствующий приказ (№ 00762), который был разослан во все органы НКВД страны.

Специальная комиссия ЦК КПСС под председательством Петра Поспелова установила в 1956 году, что всего за период 1937–38 гг. было арестовано в СССР по обвинению в антисоветской деятельности 1 млн 548366 человек, из них 681692 человека (44,02 %) были приговорены к смертной казни. Доктор исторических наук В.З. Роговин отметил в одной из своих работ:

«В 1937 году число расстрелянных увеличилось по сравнению с предшествующим годом в 315 раз (!), составив 353 074 человека. Почти такое же количество расстрелянных (328 618 человек) пришлось на 1938 год».

По всему СССР в период Большого террора ежедневно казнили 1200—1300 человек.

Вот такой была общая ситуация в стране к моменту появления Пономаренко в Минске в качестве нового «главного смотрящего» Москвы. До начала свертывания Большого террора оставалось еще пять месяцев. Маховик репрессий продолжал вращаться на полных оборотах, ежедневно перемалывая судьбы и жизни сотен и сотен ни в чем не повинных людей.

Пономаренко прекрасно понимал, чего требуют от него «генеральная линия партии» и «лично товарищ Сталин»: продолжения репрессий.

Уже через месяц после своего назначения новый первый секретарь направил Сталину шифровку, содержащую просьбу об увеличении количества репрессированных для БССР по первой категории (расстрел) на две тысячи человек, а по второй (тюрьма или лагерь) — на три тысячи. На документе единственная подпись — П. Пономаренко. Уже одна эта шифровка дает ясный ответ на вопрос: виновен ли он в репрессиях*.

Тем самым он санкционировал арест множества невиновных людей, в том числе своих соратников — тех, с кем ежедневно встречался, беседовал, с кем готовил заседания бюро ЦК, выезжал в районы, кто готовил документы, вносил предложения, писал многочисленные справки, с кем, наконец, он за одним столом обедал.

Сотрудники НКВД БССР (1937 г.)

* Великий А. П. Пономаренко. Штрихи к портрету // «СБ. Беларусь сегодня», 2002, 21 декабря, с. 4.

В декабре 1938 года Пономаренко едет в Москву с отчетом о проделанной работе. 18 декабря вождь лично расспрашивает его о положении дел в Белоруссии. Наградой за усердную работу стало избрание Пономаренко членом ЦК ВКП(б) на XVIII съезде партии в марте 1939 года.

История Афанасия Ковалева

24 января 1939 года Пономаренко инициировал арест председателя Совнаркома БССР в 1937–38 годах А.Ф. Ковалёва (1903–1993). Арест произошёл на следующий день.

Афанасий Фёдорович Ковалёв чудом остался в живых. Позже он писал в своих воспоминаниях:

«Если бы я не был арестован и меня не водили на допросы под дулом пистолета, предъявленное обвинение я принял бы за фельетон шизофреника. Но... меня обвиняют по таким статьям, которые ведут к расстрелу. Задумана чудовищная провокация — показать народу, какую матёрую группу “врагов народа” удалось разоблачить. Какие немыслимые преступления они хотели совершить.

Всю эту галиматью состряпал нарком внутренних дел БССР Цанава с полного согласия секретаря ЦК КП(б)Б П.К. Пономаренко. Цанава и его приспешники мечтали о продвижении по службе. Пономаренко жаждал славы. Вот и была придумана версия о крупной группе “врагов народа”, которая должна была состоять из руководящих работников Белорусской ССР. Много невинных людей было втянуто в эту провокацию. Меня же решили сделать главным действующим лицом этого провокационного дела.

До меня были арестованы мои заместители по Совнаркому И.Г. Журавлёв, А.И. Темкин, председатель ЦИК БССР М.О. Стакун, наркомпрос В.И. Пивоваров, секретарь ЦК КП(б)Б В.Д. Потапейко. После меня арестовали второго секретаря ЦК КП(б)Б А.А. Ананьева...

Цанава, видимо, информировал руководство ЦК КП(б)Б и лично П.К. Пономаренко о ходе следствия по моему делу. Вмешиваться оттуда не спешили...

П.К. Пономаренко не мог не видеть явно нелепых, ложных вымыслов в показаниях Ананьева. Первый секретарь ЦК КП(б)Б должен был подробно разобраться в показаниях Ананьева, в его власти было воспрепятствовать злу, но он не вмешался, не воспрепятствовал.

Знакомясь с делом, я очень жалел, что Пономаренко не встретился на допросе со мной. После, поразмыслив, я понял: я был “плохо” подготовлен для этой встречи...

Приближалась первая сессия Верховного Совета БССР. Я был убит горем, сознавая, что арестованные люди (речь идет о первых заместителях Председателя СНК БССР И.Г. Журавлёве и А.И. Темкине. —

Э.И.), которые работали со мной ни в чём не виноваты. Я мог поручиться за каждого из них. Меня терзала мысль: “К кому обратиться? Кому рассказать?” Пробовал поговорить с Пономаренко. Он ловко уклонился от этого разговора. Вскоре я понял, что очередь дошла до меня. Однажды Пономаренко сказал мне, что ему необходимо поговорить со мной. Такой разговор у нас состоялся. Пантелеймон Кондратьевич любезно предложил мне поехать на учёбу. Заверил, что ЦК КП(б)Б окажет необходимую помощь. От меня только требовалось, чтобы я спокойно ушёл с поста Председателя СНК БССР. Я не стал возражать. Действительно, мне хотелось учиться. И Пономаренко знал это.

На сессии я снял с себя полномочия. Как это и полагалось, самокритично рассказал депутатам то, что сделано, что намечалось, какие были недостатки в работе. Пожелал новому составу правительства успехов в его деятельности...

Пономаренко сдержал слово. Он послал меня на “учёбу”. Только не в учебное заведение, а в тюрьму, за решётку...

Примерно через месяц (в конце мая 1940 г. — Э.И.) после ознакомления с материалами следствия меня привезли на суд Военной Коллегии Верховного Суда СССР. Сюда же привезли и остальных “врагов народа”, проходивших по данному делу.

Однако председательствующий продолжал уличать Ананьева в непоследовательности его показаний на предварительном следствии.

— Чему верить? — недоумевал Орлов. — Где вы говорите правду, где лжёте? Давая показания в присутствии секретаря ЦК КП(б)Б П.К. Пономаренко, вы говорили правду или неправду?

— Я знал, что Пономаренко не изменит моего положения. Видя эту ложь в самом начале, он дал согласие на мой арест. Он был заинтересован этой ложью покрыть свой антипартийный поступок, дал согласие на мой арест без ведома Бюро ЦК КП(б)Б и обсуждения парторганизацией. А я, под страхом избиения, вынужден был говорить неправду. Надеюсь, что суд установит истину, — оправдывался Ананьев.

— Садитесь! Вы, безусловно, враг!

...В конце дня Военной коллегией (Верховного суда СССР — Э.И.) был объявлен приговор. Пять или шесть человек суд оправдал. В их числе был полностью оправдан Михаил Осипович Стакун. Ананьева, Пивоварова, Потапейко и других суд признал виновными и приговорил к разным срокам заключения...

А.Ф. Ковалёв

А что же случилось с теми, кого суд оправдал? Увы, их радость оказалась лишь мимолётной. Цанавя и Пономаренко опротестовали судебное решение Военной Коллегии. Они не могли, они боялись согласиться с тем, что суд оправдал людей, оказавшихся осуждёнными по их воле. А если эти несколько человек выйдут на свободу оправданными, Пономаренко и Цанаве придётся отвечать.

Особенно нежелательным было для Цанавы и Пономаренко освобождение М.О. Стакуна. Коммунист с дореволюционным партийным стажем. Он непременно потребует ответа. И так, протест и только протест против решения суда! — решили они. Была затеяна длительная волокита, оправданные судом оставались в тюрьме. Некоторые потом были освобождены.

Михаил Осипович Стакун так и не увидел свободы — он умер в тюрьме города Тамбова в апреле 1943 года».

(Ковалев А.Ф. Колокол мой — правда. Мн., 1989, с. 23–24, 45, 61, 63, 65, 67–68.)

Однозначно — виновен!

Документы, хранящиеся в Национальном архиве РБ и Центральном архиве КГБ РБ неопровержимо свидетельствуют о прямой ответственности Пономаренко в проведении политических репрессий в Белоруссии в период 1938–1948 годов. В связи с этим белорусский историк-архивист А. Великий отмечает:

«Закономерный вопрос — какова роль П. Пономаренко в уничтожении людей? Ответ однозначен — он за многое ответствен. Его подпись как первого секретаря ЦК стояла не на одном расстрельном списке. Одно из своих первых выступлений, состоявшееся 8 июля 1938 г. в Гомеле, он посвятил задаче «выкорчевывания врагов». И даже привел пример, как ЦК КП(б)Б при его участии разоблачил нескольких работников Наркомпроса, «фашистов», которых «думали снимать, но пришлось посадить».

Пономаренко лично инициировал аресты ряда ответственных партийных и советских работников, позже — организаторов партизанского движения и антифашистского подполья.

Приведём фрагмент из докладной записки Н.М. Шверника (от 12 мая 1958 года) Н.С. Хрущёву об участии Г.М. Маленкова в проведении репрессий в БССР:

«После того как Волков полностью дискредитировал себя и оставлять его в Белоруссии было невозможно, Маленков в августе 1938 г. (точнее, в июне 1938 г. — *Ред.*) добился назначения 1-м секретарём ЦК КП(б)Б Пономаренко П.К. — своего заместителя по ОРПО ЦК ВКП(б).

Маленков ранее привлёк Пономаренко в аппарат ЦК ВКП(б) и всё время ему покровительствовал, как человеку, лично преданного Маленкову. Эта преданность Маленкову была доказана Пономаренко всей его деятельностью в Белоруссии и на работе в ЦК КПСС.

С приходом на пост 1-го секретаря ЦК КП(б)Б Пономаренко арестовал Ананьева — второго секретаря ЦК КП(б)Б, Ковалёва А.Ф. — председателя СНК БССР, Романенко — пред. оргкомитета Верховного Совета по Полесской области, Казачёнка — второго секретаря Полесского обкома КПБ, Волчкова — секретаря Лельчицкого райкома КПБ.

Следуя практике Маленкова, Пономаренко лично вместе с быв. наркомом внутренних дел Наседкиным допрашивал арестованных работников, в том числе Ананьева, и фальсифицировал дела на них. В настоящее время все названные товарищи, арестованные по указанию Пономаренко, судебными органами реабилитированы.

Установлено, что массовые необоснованные аресты и истребление партийно-советских работников с приходом Пономаренко не уменьшились. Как видно из справки КГБ при СМ БССР от 20 марта 1958 года, только за время с 15 сентября по 15 ноября 1938 г. при активном участии Пономаренко осуждено тройкой НКВД БССР 6770 чел., из которых 4650 расстреляно.

...Перед партийными органами много раз ставился вопрос о моральном облике Пономаренко, но всякий раз, когда эти материалы становились известны Маленкову, они немедленно глущились...

Материалы о злоупотреблениях Пономаренко были представлены Комитетом Партийного Контроля и министерством госконтроля в своё время секретарю ЦК ВКП(б) Кузнецову А.А., но эти материалы не стали предметом обсуждения, так как в 1948 году Маленков вновь вернулся на пост секретаря ЦК ВКП(б) и он вместе со Шкирятовым положил все материалы о вскрытых злоупотреблениях Пономаренко и его окружения в архив...

Бывший председатель Совнаркома Белоруссии т. Ковалёв А.Ф. (член КПСС с 1926 г.) сообщил:

«Мне было предложено товарищем Пономаренко подать заявление об уходе с поста председателя СНК БССР, что я и сделал. В январе 1939 г. я был арестован на квартире в г. Минске. До моего ареста никто не обсуждал обо мне вопроса... Я был депутатом Верховного Совета БССР и СССР, меня арестовали с партбилетом и моими депутатскими мандатами и посадили в тюрьму... Я думал, что это недо-

*Алексей Наседкин,
нарком внутренних дел
БССР в мае — декабре
1938 года*

разумение, которое будет выяснено органами НКВД и ЦК КПБ... 9 мес. меня держали в одиночном заключении. За это время применяли самые изощрённые методы и формы истязания... которые обезволивают человека. В марте 1943 г. я был вызван в Москву в ЦК КПБ. Восстановлен в партии... Был принят т. Пономаренко... Он мне сказал, что простить себе не может, почему он лично не занялся моим делом. Это заявление было неискренним. Поэтому я ему ответил, что меня арестовали с его ведома, как первого секретаря ЦК КПБ...».

Заместитель председателя Совета Министров Литовской ССР т. Левицкий П.А., ранее работавший в БССР, характеризуя события, происшедшие в Белоруссии, говорит:

«...Разве мог т. Пономаренко П.К. объективно доложить в в ЦК ВКП(б) положение дел с избиением кадров в Белоруссии и назвать виновников этой трагедии... Он был и, видимо, остался самым близким и верным другом Маленкова... Неусыпными стражами по скрытию и защите совершённых Маленковым Г.М. злодеяний в Белоруссии стояли Пономаренко П.К. и Цанав Л.Ф.»

(«Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие документы». Том 2. Февр. 1956 — нач. 80-х годов. М., 2003, с. 310, 319–321.)

Белорусский военный историк Анатолий Сульянов в рецензии на мемуары Пономаренко, опубликованные в 1992 году, отмечал:

«На каждую республику или область распространялись лимиты по репрессиям, но случалось, что их не хватало — число арестованных превосходило установленную норму. Тогда в центр шло совершенно секретные депеши с обоснованием необходимости увеличения квоты: активизация антисоветских элементов, резкое возрастание сопротивления “кулацкого” элемента, необходимость очистки области или республики от антисоветски настроенных лиц (...)

Прибывший в Беларусь П.К. Пономаренко, ознакомившись с положением дел, запросил санкцию на увеличение количества репрессированных по первой (расстрел) и по второй (тюрьма или лагерь) категориям.

*«Совершенно секретно. НКВД СССР 17.7.38 г.
Секретарю ЦК ВКП(б) товарищу Сталину
Секретарям ЦК ВКП(б) тт. Ежову, Андрееву*

ШИФРОВКА

...Добиваюсь рассмотрения внесудебном порядке на особой тройке две тысячи по первой и три тысячи по второй категории.

Пономаренко»

После прочтения мемуаров Пономаренко сразу возникло несколько вопросов, касающихся тех страшных лет безудержного террора НКВД.

С ведома первого секретаря ЦК Пономаренко были арестованы второй секретарь Ананьев, секретарь ЦК Потапейко, председатель Совнаркома Ковалёв, многие наркомы, директора предприятий, члены ЦК. Прояви Пономаренко принципиальность, о которой он так много говорил с трибун, не были бы забиты до полусмерти на допросах, не испытывали бы зверств следователей НКВД бывший председатель ЦИК М. Стакун, заместители председателя Совнаркома И. Журавлёв и А. Тёмкин, нарком просвещения В. Пивоваров, директор фабрики "Знамя индустриализации" Иван Колотков...

К сожалению, в мемуарах неоправданно много места заняли дела производственные... Сомнительные результаты осушения полесских и других болот не раз освещались в печати, и нет необходимости о них говорить. Партийному, как тогда говорили, вожаку по роду своей службы, да и по совести своей было бы куда честнее и важнее донести до читателя тяжелейшую моральную обстановку тех лет, связанную с массовыми репрессиями, покаяться перед людьми в своей виновности перед белорусским народом за жертвы и муки ни в чём не повинных людей. Это более чем печальная страница советской истории Беларуси в воспоминаниях совершенно не затронута.

Что помешало автору? "Неудобство", трагизм материала? Ответов читатель, к сожалению не получил и не получит: автора уже нет в живых. Из редакционного предисловия следует лишь, что в планах рукописи значились такие авторские заметки: "Аресты в Белоруссии. Комиссия. Цанавы", "Ликвидация последствий правовых нарушений государственными органами в 1937–1939 гг."

Думается, что П.К. Пономаренко не хватило мужества глянуть жестокой правде в глаза.

Он просто уклонился от рассказа о насилиях и беззаконии, участником которых был, во многом способствуя жестокой деятельности НКВД, расширению кампании подозрительности, насаждавшейся Берманом, Наседкиным и Цанавой. Всё это угнетало дух нации, порождало безграничное зло. Конечно, подумает читатель, нелегко было выступить против Цанавы — ставленника такого изверга, как Берия. Нелегко. И всё же время репрессий не длилось бесконечно. Когда первым секретарём партии стал в республике Николай Патоличев, то с риском для жизни он постарался свалить непотопляемого Цанаву. Факт остаётся фактом: это произошло при жизни Сталина и во времена Берии.

(Сульянов А. Допишет время... // «Неман», 1993, № 3, с. 163–165.)

Ордена вместо ордеров

В Национальном архиве РБ хранится докладная записка «Об имеющихся компрометирующих материалах на членов Союза советских писателей БССР» от 23 октября 1938 года, подписанная наркомом внутренних дел БССР, майором госбезопасности А.А. На-

седкиным. На ней гриф «Совершенно секретно. Секретарю ЦК КП(б)Б тов. Пономаренко. Только лично»

Этими писателями были И.Д. Луцевич (Янка Купала), К.М. Мицкевич (Якуб Колас), М.Т. Лыньков, К.К. Атрахович (Кондрат Крапива), П.Ф. Глебка, С.Е. Плавник (Змитрок Бедуля), М.Н. Климкович, П.У. Бровка, А.А. Кулешов, А.Е. Кучер, В.Ф. Вольский, Э.Л. Самуйлёнок, И.Д. Гурский, М.М. Модель, И.М. Фёдоров (Янка Мавр), Якимович, З.М. Аксельрод, Г.Д. Мурашко.

Однако никто из перечисленных 18 литераторов репрессиям не подвергся. Почему?

В свое время в Белоруссии ходила легенда, что Янку Купалу, Якуба Коласа и других спас от репрессий Пантелеймон Пономаренко. Но эту легенду «запустил на орбиту» он сам. Народный писатель Беларуси Иван Шамякин (1921–2004), которому о замене ордера на ордена летом 1953 года поведал сам министр культуры СССР Пономаренко, в своих «Ночных воспоминаниях» (2002 г.) прямо написал:

«...Он искал возможности отмыться. Нашёл: вызвать молодого белорусского писателя, авторитетного (лауреат!), рассказать ему, какой хороший он был, конечно же, писатель расскажет его легенду коллегам, старым и молодым, кто-то запишет её. Не лучший он был сценарист, забыл про одну существенную деталь — про архив, который пополнил своими письмами...».

Легенду разрушил в 1994 году белорусский историк-архивист Ростислав Платонов. Он поставил вопрос — «кто же спас писателей: Пономаренко или Сталин?» и дал на него ясный ответ, опубликовав подлинный документ из Национального архива РБ. Документ этот, объемом 11 страниц, второй экземпляр записки на имя Сталина «О белорусском языке, литературе и писателях», подписанной П.К. Пономаренко 21 ноября 1938 года (первый экземпляр был послан в Москву*. И вот что в ней можно прочитать:

«В результате разгрома покровительствовавших писателям-националистам врагов, в результате того, что народ их “не оценил” и произведения их лежат на полках и до читателя доходят только обязательные в белорусских школах хрестоматии, заполненные их творчеством. В результате образовавшейся вокруг них пустоты, среди них царят растерянность и озлобление. Начали дико пить — заливать вином тоску о “свободной Белоруссии”».

* См.: Платонаў Р. АДПУ-НКУС супраць беларускіх пісьменнікаў. // «Беларускі гістарычны часопіс», 1994, № 3, с. 65.

Я. Купала недавно сказал: "Все наши карты биты, лучшие люди истреблены. Надо самому делать харакири (он уже один раз пытался покончить с собой)... Наиболее крупную контрреволюционную националистическую работу провёл союз "советских" писателей Белоруссии, идейно возглавляемый всегда десятком профашистских писателей (в том числе и известные Янка Купала и Якуб Колас) и всегда для прикрытия (в том числе и сейчас) имевший у руководства коммунистов.

...В отношении Янки Купалы, Якуба Коласа, Бровко, Глебко, Крапивы, Бядули, Вольского, Аксельрода и др. членов этой "могучей кучки", узурпировавшей представительство от белорусской интеллигенции всюду, в том числе и за рубежом, творческая авторитетность которых непомерно раздута, проводивших лично всю описанную вражескую работу, имеются многие показания разоблачённых и арестованных врагов, избличавшие их вплоть до связей с польской дефензивой.

В отношении Я. Купалы имеется 41 показание, в большинстве прямые; Я. Коласа — 31 показание, Крапивы — 12 показаний и т.д.

По количеству и качеству избличающего материала, а также по известным нам фактам их работы, они, безусловно, подлежат аресту и суду, как враги народа. В частности, наркомат внутренних дел Белоруссии запросил из центра санкцию на арест Купалы и Коласа уже давно. Но санкция пока не дана. Они, главным образом Янка Купала и Якуб Колас, пользуются известностью. Прославили их достаточно сильно, их включают во всякие комиссии по учебникам, словарям, переводам, литературным юбилеям. Не допустить этого, значит, сразу определить своё отношение к ним, а его, по моему мнению, определить нужно не так.

Их нужно или арестовать или, учитывая обстановку, принять, поговорить открыто, показать, что нам известны все их «ошибки», если это допустимо так назвать, сказать, что они могут искупить свою вину перед Советской властью, призвать их к честной работе, посмотреть, как они будут реагировать и если в какой-то мере пойдут на это, то использовать это в целях разложения группы, отрыва наиболее честного (из них) и ливидацию остатков нацдемовщины. При разговоре, конечно, не смягчать действительной оценки их роли, но делать это с соответствующим такому щепетильному разговору тактом».

Записка занчивалась просьбой:

«По двум вопросам: а) о предлагаемых мероприятиях в отношении белорусского языка — грамматики и литературы (этому посвящена значительная часть записки. — Э.И.); б) об отношении к писателям Я. Купале и Я. Коласу — я прошу вас дать мне совет».

Таким образом, 21 ноября 1938 года Пономаренко считал, что Янку Купалу и Якуба Коласа надо или арестовать, или вызвать для

«открытого» разговора, во время которого они должны признаться в своей вражеской деятельности и услышать условия «заглаживания вины перед Советской властью». Совета, как поступить, он ждал от Сталина.

Через месяц после первой записки — 26 декабря 1938 года Пономаренко пишет вторую записку, которая начинается словами:

«В связи с двадцатилетием БССР предлагаю для награждения работников промышленности, сельского хозяйства, науки и искусства Белоруссии, имеющих заслуги перед Родиной».

К ней приложен список на 40 человек и их краткие характеристики. Первые в списке — Янка Купала, Якуб Колас и Михась Лыньков. В характеристиках говорится:

«Янка Купала (Купала Иван Доминикович). Известный белорусский поэт, 1882 г. рождения. Белорус. Беспартийный. За годы советской власти создал ряд замечательных советских произведений. Классик белорусской литературы. Член Белорусской и Украинской Академии наук».
(НАРБ. Ф. 4 п. Оп. 21. Д. 1269. Л. 50.)

В аналогичном духе написаны характеристики на Якуба Коласа и Михася Лынькова. Что же произошло на протяжении одного месяца? Откуда такая резкая перемена в позиции первого секретаря ЦК КПБ?

Я. Колас, Я. Купала, П. Бровка, Зм. Бедуля с орденами

Ростислав Платонов высказал следующую версию:

«Скорее всего где-то в это время и произошла его встреча со Сталиным и нетрудно представить, какой совет был дан: «Зачем арестовывать? Зачем угрожать? Нужно наградить» — и «тихой кошачьей походкой» подвёл автора записки к селектору. Так что заслуга «замены ордеров на ордена» принадлежит никак не П. Пономаренко. Сталин умел менять кнут на пряник».

(«Беларускі гістарычны часопіс», 1994, № 3, с. 66—67.)

Указ Президиума Верховного Совета СССР был опубликован в газетах БССР 2 февраля 1939 года под названием «О награждении советских писателей» и с преамбулой — «за выдающиеся успехи и достижения в развитии советской художественной литературы». В числе 21 писателя, удостоенных ордена Ленина, находим Коласа Якуба и Купало Янко (так в тексте указа. — Э.И.); среди 49 человек, награждённых орденом Трудового Красного Знамени — Змитрок Бядуля, Михась Лыньков, Эдуард Самуйлёнок.

Среди 132 награждённых — 7 белорусских писателей. Значит, награждались не писатели Белоруссии отдельно, а большая группа писателей всего Советского Союза, но для белорусов это награждение совпало с празднованием 20-летия БССР и с вечерами белорусской культуры в Москве.

Репрессии в Западной Белоруссии

Пономаренко был одним из инициаторов и организаторов политических репрессий в Западной Белоруссии в 1939—1941 годах. Об этом свидетельствуют многочисленные архивные материалы.

Нельзя не согласиться с мнением Анатолия Сульянова:

«После воссоединения Западной Белоруссии осенью 1939 года Цанава большую часть времени находился за Неманом и еженедельно присылал Пономаренко депеши об «активном выкорчёвывании контрреволюционного отребья». В своих выступлениях Цанава не раз отмечал, что среди населения Западной Белоруссии находятся десятки тысяч шпионов, диверсантов, антисоветски настроенных элементов, с которыми всевидящий НКВД дённо и ношно ведёт борьбу, раскрывая осиные гнёзда агентов иностранных разведок. Фактически против населения Западной Белоруссии НКВД развернул настоящую тайную войну — тысячами арестовывались безграмотные крестьяне, обвинённые в шпионаже в пользу Германии, Италии и Японии, сапожники, бухгалтеры, учителя, инженеры. «Борьба со шпионами» приняла массовый характер, тюрьмы были забиты до отказа, а число арестованных росло с каждым днём. Следователи вели по 8—10 дел одновременно. Шпиономания активно поддерживалась и партийными структурами.

А что Пономаренко? Предострѣг НКВД от повальной “охоты на ведьм”? Разобрался с катастрофически быстрым ростом числа арестованных, о которых ежедневно сообщалось в сводках НКВД?

Нет.

В своих мемуарах Пономаренко вспоминает: “Шла широкая заброска разведывательной агентуры и диверсантов. С октября 1939 года по декабрь 1940 года было обезврежено более пяти тысяч вражеских агентов”. Прорва шпионов! Кто же забрасывал? Польша? Отнюдь. Страна была уже под фашистским сапогом, и ей не до шпионов. Когда только успевали готовить шпионов разведывательные центры капстран?

“Как правило, — сообщает автор мемуаров, — это были профессиональные разведчики. В большинстве случаев снабжённые оружием, боеприпасами, радиостанциями”.

Разумеется, и в те времена были шпионы. Но цифры цифрами! Зачем нужны были огромные цифры П. Пономаренко? Ответ прост — показать работу НКВД! Докладываем. Товарищ Сталин, органами НКВД обезврежено в течение первого квартала в 15 раз больше агентов вражеских разведок по сравнению с первым кварталом прошлого года: 5355 шпионов, диверсантов, разведчиков. Без сна и отдыха, дѣнно и ночью трудимся в поте лица, товарищ Сталин, не жалея живота своего...

Эти цифры не плод авторского воображения — они взяты из мемуаров Пономаренко: число вражеских агентов возросло “в первом квартале 1941 года в 15–20 раз выше по сравнению с первым кварталом 1940 года”.

Кто же эти агенты, диверсанты, разведчики?

Вот один из них: Сочелович Артём Алексеевич, 1911 г., уроженец Пинской области Лунинецкого района, белорус, малограмотный. Арестован 21 октября 1939 года. т.е. через месяц после освобождения из-под власти Польши. Как и принято было в то время, работники НКВД знали о нём всё и вся, и потому следователь в Мозыре с порога заявил:

— Следствию известно, что вы имели тесную связь с резидентом польской разведки Петровским. Отвечайте, в чём она заключалась?

Никаких доказательств, подтверждающих виновность, не было и потому дело было направлено на рассмотрение “тройки”. Артём Сочелович как “социально опасный элемент” по решению Особого Совещания при НКВД СССР был приговорѣн к заключению на 8 лет в Севжелдорлаг. Постановление Особого совещания скреплено подписью начальника секретариата Особого Совещания небезызвестного Хвата. Да, того самого, кто издевался над академиком Николаем Вавиловым!».

(Сульянов А. Допишет время... // «Неман», 1993, № 3, с. 166.)

В то же время Пономаренко иногда позволял себе определенный «либерализм» по пустяковым вопросам. Так, в докладной записке

наркома внутренних дел Цанавы от 29 декабря 1940 года сообщалось об аресте священника православной церкви города Клецка, которому перед отправкой в тюрьму остригли голову и бороду. Резолюция первого секретаря ЦК гласила:

«Тов. Тур (секретарь Барановичского обкома партии. — Э.И.). Что это за дураки, которые попов стричь начали? Неужели до сих пор не ясно, что к служителям культа надо проявлять осторожность, особенно в местах, где много верующих. Без нужды и особой санкции не репрессировать».

(НАРБ. Ф. 4п. Оп. 21. Д. 2081. Л. 270.)

Депортации жителей Западной Белоруссии

С персонами Пономаренко и Цанавы связаны четыре предвоенные депортации населения Западной Белоруссии.

В декабре 1939 года, за два месяца до первого большого «переселения народов» из западной части Белоруссии, ЦК КПБ уже вносит предложение о порядке использования недвижимого имущества, скота и инвентаря:

Москва. Центральный Комитет ВКП(б) —
Товарищу Сталину И.В.

Предложение о порядке использования недвижимого имущества, выселяемых осадников, их скота и инвентаря

В настоящее время органами НКВД взяты на учет около 5,5 тысячи хозяйств осадников. Эти хозяйства имеют, каждое, как минимум, 35—40 гектаров земли, 3—4 и более лошади, и в очень редких случаях — 2 лошади; 5—6, иногда 10 и более коров, и в очень редких случаях только 2 коровы.

В хозяйствах осадников имеются запасы хлеба, точно подсчитать которые трудно. Однако следует заметить, что во многих хозяйствах осадников имеется хлеб не только этого года, но и стоит в скирдах необмолоченный за 2—3 прошедших года.

В каждом хозяйстве осадника имеются плуги, бороны, веялки, у большинства — сеялки, у многих — молотилки с машинным приводом и другие машины. Почти в каждом хозяйстве имеется, как минимум, один велосипед, многие хозяйства осадников имеют по 2—3 велосипеда и даже мотоциклы.

Хозяйства осадников все расположены на хуторах, имеют много солидных хозяйственных построек: амбары, сарай, конюшни, навесы и большие избы — пятистенки...

Наши предложения о порядке использования недвижимого имущества выселяемых осадников, их скота и инвентаря следующие:

1. Земли осадников (около 200 тысяч гектаров) через Крестьянские комитеты разделить между крестьянами. В районах, прилегающих к нашей бывшей границе с Польшей, помещичьи земли поляками были розданы осадникам. Поэтому раздел помещичьих и монастырских земель не удовлетворил во многих местах крестьян. Крестьяне настроены против осадников и требуют раздела их земли, в ряде случаев сами никого не спрашивая.

2. Молочно-продуктивный скот осадников (30—40 тысяч голов ориентировочно) раздать бескоровным батракам и беднякам крестьянам.

3. Лошади осадников (15—20 тысяч голов) сильные и упитанные. Много годных для кавалерии и, особенно, для артиллерии. Использовать лошадей осадников необходимо следующим образом: лучших лошадей отобрать для кавалерийских и артиллерийских частей РККА. Наберётся 6—7 тысяч. 1000 лошадей для конной милиции Белоруссии; 1000 лошадей для райисполкомов; 1000 для погранвойск, остальные (свыше 10 тысяч) раздать безлошадным батракам и крестьянам-беднякам.

4. Все постройки осадников необходимо перевезти в деревни и восстановить их там. Используя для общественных нужд деревни: школа, сельсовет, изба-читальня, общественный амбар, кооперативная лавка, фельдшерский пункт. Такое использование построек будет соответствовать настроениям крестьянства. Перевозка строений осадников с хуторов в деревни, кроме того, будет означать ликвидацию 5 тысяч хуторов и целиком совпадёт с желанием крестьян-бедняков и середняков согнать не только осадников, но и уничтожить осадничьи гнёзда.

5. Мелкий сельскохозяйственный инвентарь: плуги, бороны и т.д. — раздать крестьянам.

6. Машинный инвентарь: вейлки, сеялки, конные и механические молотилки — сосредоточить из всех хозяйств по волостям в одном месте и организовать машинопрокатные пункты. Выбор места произвести, учитывая, что машинопрокатный пункт явится базой для будущей МТС.

7. Весь хлеб, имеющийся у осадников, объявить общественным добром, перевезти в волостные, сельские общественные амбары, составив, таким образом, семенные фонды для весны. Озимые также предназначить для этих целей. Наиболее вероятно, что после того, как райисполкомы учтут все ресурсы более или менее точно, озимое зерно придётся использовать как обменный фонд при недостатке семенного материала.

После учёта зерна в общественных амбарах, в зависимости от его количества и обстоятельств, может быть поставлен вопрос об израсходовании части зерна и на другие нужды.

8. Домашние вещи, оставшиеся после выселения осадников, описать и использовать по решению Крестьянских комитетов. Велосипеды

и мотоциклы поступают в распоряжение местных органов власти, главным образом для служебного пользования.

Секретарь ЦК КП(б) Белоруссии (ПОНОМАРЕНКО)
(НАРБ. Ф. 4. Оп. 21. Д. 1521. Л. 291–293.)

7 января 1940 года под председательством Пономаренко в ЦК КПБ было проведено специальное совещание по вопросу о выселении осадников. С докладом об организации «мероприятия» выступил нарком Л.Ф. Цанавя. 19 января 1940 года Бюро ЦК КП(б)Б утвердило план мероприятий по выселению.

Первая массовая операция по выселению осадников и работников лесной сторожевой охраны началась на рассвете 10 февраля 1940 года и к концу дня в основном завершилась. После этого Пономаренко рапортовал «отцу народов»:

«Центральный Комитет ВКП(б) — товарищу Сталину И.В.
Информация по вопросу о выселении осадников.

1. Всего осадников и лесной сторожевой охраны выселено 9755 семей — 50 732 человек. Все эшелоны уже вывезены за пределы Белорусской ССР...

Секретарь ЦК КП(б) Белоруссии (ПОНОМАРЕНКО)»

*Пономаренко с депутатами Народного собрания
Западной Беларуси (1939 г.)*

Арестованные полицейские и граждане Западной Беларуси (1939 г.)

Вторая операция по выселению населения была проведена 13–16 апреля 1940 года. Итогом ее стала высылка за пределы республики 8055 семей (26 777 человек). Это были члены семей тех, кто находился в лагерях военнопленных, в тюрьмах, бежавших за границу и т.д.

За пять дней до проведения этой операции — 8 апреля 1940 года секретарям Барановичского, Белостокского, Брестского, Вилейского и Пинского обкомов партии была направлена телеграмма Бюро ЦК КП(б)Б следующего содержания:

«13 апреля с.г. органы НКВД будут проводить выселение семей репрессированных помещиков, офицеров, полицейских и др.

ЦК КП(б)Б обязывает вас обсудить на закрытом заседании обкома партии доклад начальника областного НКВД и определить все необходимые мероприятия по оказанию помощи органам НКВД в проведении операции.

Секретарь ЦК КП(б)Б ПОНОМАРЕНКО».

С 29 июня по 2 июля 1940 года производилась третья депортация. За эти четверо суток требовалось арестовать и выслать лиц, ранее не проживавших в западных областях Белоруссии (т.е. беженцев с территории Польши, оккупированной немцами) и тех, кому удалось избежать предыдущих депортаций.

Всего набралось 22 879 человек (7224 семьи). Подавляющее большинство среди них (около 85 %) составили евреи, спасавшиеся от кровавых расправ, учиненных в Польше «айнзацгруппами» СД и ге-

стапо. Поляков было менее 6 %. Остальные 10 % — белорусы, украинцы, русские, литовцы и прочие.

Историк И. Гальперин, изучавший данный вопрос, писал:

«Еврейские беженцы из центральных и западных районов Польши, которые хотели вернуться к своим семьям и не были готовы принять советское гражданство, были изгнаны весной 1940 года из Западной Белоруссии и Украины во внутренние районы СССР. Их везли в товарных вагонах долгие недели — голодных, в жуткой тесноте, в нечеловеческих санитарных условиях. Часть их умерла в пути, другие скончались в далеком изгнании от голода, от болезней, от тяжелой работы».

(Цитируется по книге: Тарас А.Е. Анатомия ненависти. Мн., 2008, с. 727.)

Постановление о четвертой депортации ЦК ВКП(б) и Совнарком СССР приняли 14 мая 1941 года. Первый ее этап был осуществлен буквально в канун войны, 19–20 июня. Официальная цель четвертой депортации — «выселение из пограничной зоны членов семей участников повстанческих организаций и формирований».

Этих людей всех скопом приговорили к 20 годам принудительного проживания в удаленных районах СССР, главным образом в степях Казахстана. Новый поток из БССР составил 24.412 человек. Второй этап четвертой депортации планировался на 26–27 июня 1941 года, но большевикам помешало начало войны с Германией.

Всего, по официальным советским данным, в результате четырех депортаций из западных областей БССР были вывезены 124 800 человек. Среди высланных более половины (52 %) составили женщины от 16 лет и старше, а 12 % — дети обоюбого пола в возрасте до 16 лет. Примерно 5 % от этого числа умерли в эшелонах за время пути, еще 10 % погибли в течение первого года ссылки — от голода, болезней и непосильного труда.

Добавим, что реальное количество жителей Западной Белоруссии, вывезенных в период с октября 1939 по июнь 1941 года в ссылку, в исправительно-трудовые лагеря, на поселение, на прину-

Вагон с депортируемыми женщинами и детьми

дительные работы (лесоповал, шахты, рудники, строительство предприятий и железных дорог) составило, по мнению некоторых современных исследователей, около 20 % населения Белостокской, Брестской, Барановичской, Вилейской, Пинской областей БССР.

Пономаренко принимал самое активное участие в депортациях гражданского населения, которые сейчас квалифицируются как тяжчайшее преступление советской власти. Под его руководством и контролем партийно-советские органы БССР организовывали и осуществляли учет лиц, подлежавших депортации, производили аресты, отбирали имущество и деньги (т.е. грабили), арестовывали и бросали в вагоны, предназначенные для скота.

Но напрасно было бы искать в воспоминаниях Пономаренко (и опубликованных, и оставшихся в рукописях) хоть одно упоминание об этой черной странице прошлого. Судя по всему, совесть его никогда не мучила.

Рука руку моет (кто «спас» Пономаренко в 1939 году)

Руководство органов госбезопасности в период «большого террора» собирало компрометирующие материалы буквально на всех партийно-советских руководителях любого уровня: от директоров предприятий и учреждений до народных комиссаров и секретарей ЦК партии союзных республик. Более того, при первой же возможности они пытались «раскрутить» дела против этих людей.

Нарком внутренних дел БССР А. А. Наседкин собирал «компромат» и на Пономаренко. Но тот, узнав каким-то образом, что Наседкин «что-то готовит против него», через Маленкова добился отставки наркома. Вскоре Наседкина отозвали в Москву, а 16 декабря 1938 года арестовали. Постановлением Военной коллегии Верховного Суда СССР от 15 января 1940 года его приговорили к высшей мере наказания, и 26 января расстреляли.

Ценную помощь в решении этого «вопроса» оказали Пономаренко Лаврентий Цанава (ставший преемником Наседкина) и третий секретарь ЦК КПБ Надежда Грекова. В Национальном архиве РБ хранится интересный документ. Приведем его текст:

«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Только лично

Народному комиссару внутренних дел Союза ССР
Комиссару государственной безопасности 1-го ранга
товарищу БЕРИЯ Л.П

В последних числах декабря (1938 г. — Э.И.) в НКВД Белоруссии поступили сведения о том, что в Гомельском Областном Управлении арестованы

стованный, как троцкист ЦИПОРИН И.М., якобы дает провокационные показания на Секретаря ЦК КП(б) Белоруссии товарища ПОНОМАРЕНКО.

Арестованный вместе с делом из Областного Управления был немедленно затребован и доставлен в Минск.

В средних числах января м-ца (1939 г. — Э.И.) был обнаружен протокол допроса ЦИПОРИНА Иосифа Моисеевича по поводу его знакомства с товарищем ПОНОМАРЕНКО.

Подозревая, что Зам. Нач. Облуправления КАШИЦЫН допросил арестованного ЦИПОРИНА по поводу его знакомства с товарищем ПОНОМАРЕНКО для провоцирования последнего, нами было по этому вопросу проведено расследование, в результате чего установлено:

ЦИПОРИН И.М. был арестован Гомельским Облуправлением еще 11 ноября и допрошен по существу своего обвинения, а также знакомства с товарищем ПОНОМАРЕНКО через несколько дней.

В следственном деле отсутствует протокол допроса ЦИПОРИНА.

В последних числах декабря м-ца (1938 года — Э.И.), для выяснения состояния работы Областного Управления по следствию, был командирован в Гомельскую область быв. Пом. Наркома внутренних Дел БССР, ныне арестованный враг народа, СТОЯНОВСКИЙ, которому Зам. Нач. Областного Управления КАШИЦЫН доложил, что, якобы, товарищ ПОНОМАРЕНКО знает о принадлежности ЦИПОРИНА к троцкистской оппозиции еще в 1927 г. и встретившись с ним в Москве в 1936 году обещал ему восстановиться в партии.

СТОЯНОВСКИЙ сделал распоряжение КАШИЦЫНУ допросить ЦИПОРИНА вокруг товарища ПОНОМАРЕНКО и протокол допроса прислать лично ему (СТОЯНОВСКИЙ в этом сознался).

Будучи передопрошен нами ЦИПОРИН по основным вопросам не подтвердил свои показания, данные КАШИЦЫНУ и объяснил, что его КАШИЦЫН в присутствии начальника отделения допрашивал под нажимом и ориентировал на показания, компрометирующие Секретаря ЦК КП(б)Б товарища ПОНОМАРЕНКО.

Установлено, что бывш. Начальник Гомельского Облуправления ШЛИФЕНСОН (ныне арестован) и его заместитель КАШИЦЫН по указанию СТОЯНОВСКОГО хотели использовать факт совместной учебы товарища ПОНОМАРЕНКО с ЦИПОРИНЫМ еще в 1926 году в Кубанском рабфаке в целях его дискредитации.

За провокаторскую работу, направленную на дискредитацию Секретаря ЦК КП(б)Б товарища ПОНОМАРЕНКО нами КАШИЦЫН арестован.

О настоящем поставлен в известность товарищ ПОНОМАРЕНКО, по поручению которого дело доследовано и вышеизложенные провокационные действия КАШИЦЫНА, СТОЯНОВСКОГО и др. подтвердились.

Протоколы допроса ЦИПОРИНА из следственного производства изъяты и препровождены в ЦК КП(б)Б.

Секретарь ЦК КП(б) Белоруссии /ГРЕКОВА/
Народный комиссар внутренних дел БССР
ст. майор гос. безопасности /ЦАНАВА/
29 января 1939 г.
гор. Минск БССР.»

(НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 14623. Лл. 4–6.)

В том же архиве хранится объяснительная записка Пономаренко на имя заведующего отделом руководящих партийных органов ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкова, в которой говорится, что он направляет ему экземпляр докладной записки, написанной Цанавой и Грековой на имя Берии Л.П.:

«Сущность дела заключается в том, что сейчас арестованные предатели — Наседкин, Стояновский, Шлифенсон и др., как только почувствовали, что их вражескую работу раскрывает ЦК КП(б) Белоруссии, решили его спровоцировать.

Установленная за Пономаренко слежка, расстановка агентуры в ЦК, на квартире, на даче, слежка за время пребывания в Москве, агентурное наблюдение за родственниками и т.д., конечно им ничего не дали.

В ноябре из Жлобина в ЦК на имя первого секретаря ЦК КП(б)Б поступило письмо Ципорина, исключенного в 1935 г. из партии за троцкистское выступление, имевшее место в 1927 г., и в дальнейшем скрытое от партии. В письме он просил затребовать и рассмотреть его дело, т.к. его обращения в КПК не дали результатов из-за ненахождения дела. Письмо было написано так, что можно было понять, что он мой знакомый.

Вскоре после написания письма его арестовали. И при обыске нашли копию письма к Пономаренко, отпечатанную на машинке. Собственно провокация и началась уже с написания письма. Ципорин до ареста работал в Жлобинском райотделе НКВД, хотя в Жлобине было известно, что он исключен из ВКП(б) за троцкистское выступление. После ареста в Жлобин, а затем по месту заключения Ципорина в г. Гомель выезжает специальная комиссия из Минска, во главе со Стояновским.

Работа с Ципориным ведется не вокруг его троцкистского выступления и характера его деятельности после исключения, а вокруг его «знакомства» с Пономаренко с целью получить компрометирующие меня показания.

Его крепко прижимают, вынуждают на дачу показаний обо мне. Озlobляют его, намекая, что он арестован после того, как только написал мне письмо. Ципорин начал давать показания. Но так, чтобы показания его можно было использовать для моей компрометации. И в то

С полным текстом документа можно ознакомиться в библиотеке